

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Princeton University Library

32101 047491921

HC335

.D525

Sidney Rheinstein

Class of 1907

**Fund for the Advancement
of Social Justice and
International Understanding**

17579
2

28 249

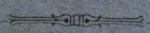
ВЪ ХРАМЪ ВААЛА.

ЭТЮДЫ

ПО ВОПРОСАМЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ.

СОЧИНЕНІЕ

И. В. ДЬЯКОНОВА.

МОСКВА.

Типографія Е. И. Пичургиной, Петровскія Торговля Линія.

1889.

I. D. Dyakonov
'''

ВЪ ХРАМЪ ВААЛА.

ЭТЮДЫ

ПО ВОПРОСАМЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ.

СОЧИНЕНИЕ

Dyakonov
И. В. ДЪЯКОНОВА.

МОСКВА.

1889.

С. С.

(RECAP)

HC335

.D525

Дозволено цензурою. Москва, Юня 2-го дня 1889 года.

Типография Е. И. Пичугиной, Петровски Торговья Линии.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сотни людей проповѣдуютъ рабство передъ иноземною мудростью, передъ иноземною промышленностью. Эта рабья проповѣдь всегда была противна моей душѣ, и я не мало удивлялся, какимъ путемъ доходятъ люди до такихъ странныхъ умозаключеній! Существуютъ даже спеціальныя изданія, посвященныя разработкѣ вопроса о необходимости защищаемыхъ ими теорій, въ силу которыхъ Россія должна находиться въ вѣчной зависимости отъ иностранной промышленности. Мысль, что Россія не больше, какъ страна земледѣльческая, ни на что другое неспособная, крѣпко засѣла въ головы фритредеровъ, для коихъ всѣ роскошныя дары природы нашего отечества: чугунъ, нефть, каменный уголь, сѣра, свинецъ, ртуть и т. д., и т. д., не имѣютъ ни малѣйшаго значенія, и русскій фабрикантъ, купецъ, промышленникъ не больше, какъ объектъ для дешевыхъ остротъ, расточаемыхъ на всякомъ шагу всѣми, кому только взбредетъ въ голову, но за то передъ иноземщиною мы нѣмѣемъ, робко расшаркиваемся и въ своихъ выводахъ

1133 (1881) N 30181

доходимъ до крайне безобразныхъ заключеній. Вотъ противъ этихъ-то крайностей я нѣкогда (въ 1885 г.) и говорилъ кое-что на страницахъ „Совр. Изв.“, издававшихся Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ, и сказанное тогда считаю не бесполезнымъ повторить вновь, не измѣняя даже формы, такъ какъ суть дѣла съ тѣхъ поръ осталась тою же, какою была и прежде. Да и зачѣмъ мѣнять? По моему та форма, съ которою я обращаюсь къ русскому сердцу, есть наилучшійшая, и пусть это сердце научается любить все родное больше, чѣмъ все привозное, такъ какъ оно зачастую окрашено фальшивымъ блескомъ. Не спячки, не застоя надо желать нашей русской промышленности, а развитія и совершенствованія; надо разрабатывать тѣ богатые дары природы, которыми она насъ надѣлила, а не глупо глядѣть, какъ станутъ ихъ вытаскивать отъ насъ иностранцы. Дай Богъ, чтобы это унижительное положеніе вещей смѣнилось болѣе разумнымъ и выгоднымъ для собственнаго благополучія. Этотъ взглядъ и проводится въ моихъ этюдахъ, взглядъ, надѣюсь, вполне русскаго человека.

21. 2.

ВЪ ХРАМЪ ВААЛА.

I.

Я на биржѣ, я въ храмѣ современнаго божества съ его идолами: золотомъ, кредитками, курсовыми бюллетенями на различныя цѣнности въ пенсахъ, маркахъ, франкахъ и т. п.—Давно я не былъ въ этомъ капищѣ и помню это еще, когда оно было маленькимъ, выкрашеннымъ бѣлымъ, свѣтлымъ тономъ; помню, когда двери, ведущія въ это капище, также выкрашенныя бѣлою краской, сильно скрипѣли, точно желая сказать: «зачѣмъ васъ нелегкая сюда носить, ступайте лучше въ трактиръ и запейте ваше дѣло парочкой чайку!» Площадь передъ этимъ капищемъ была тогда вымощена отвратительно мелкимъ булыжникомъ, и мерзко было пройти мимо зловонныхъ лужъ на стоянкахъ извозничьихъ экипажей; низкіе, дрянные домики Сергіевской лавры и Иосифовскаго монастыря были плохимъ украшеніемъ этой площади. Но не смотря на все это, коммерческій людъ ходилъ тогда, что называется, гоголемъ: лица были веселыя, смѣющіяся, дѣла торговыя шли хорошо.

Даже суетни тогда было меньше. Курсовые бюллетени были, разумѣется, и тогда, но сколько помнится, курсъ на Парижъ стоялъ тогда чуть-ли не на 400 сантимахъ за нашъ рубль, тогда какъ теперь стоитъ только 257 сантимовъ. За то и дома, окружающіе эту площадь, и само капище Ваала выросли и похорошѣли. Дома монастырей высоко подняли къ небу свои крыши и разукрасились на европейскій образецъ: всюду металлическіе тяжелые затворы, несгораемыя лѣстницы, зеркальныя стекла, паркетные полы и асфальтовые тротуары. Только площадь остается въ первообытномъ состояніи, хотя и перемасцируется думскими инженерами чуть не ежегодно по прежнимъ допотопнымъ способамъ затѣмъ, чтобы перемасцивать ее черезъ нѣкоторое время вновь... Портикъ передъ капищемъ Ваала украшенъ громадными колоннами въ стилѣ классическаго зодчества; внутрь зданія ведутъ нѣсколько величественныхъ дубовыхъ дверей съ прикрѣпленными къ нимъ рѣзными, свирѣпаго вида, мордами какого-то невѣдомаго животнаго, съ продѣтыми въ пасти ихъ кольцами, имѣющими, можетъ быть, какое нибудь символическое значеніе, говорящее современному человѣчеству объ ожесточенной конкуренціи, управляющей теперь міромъ; морды животныхъ изображены съ оскаленными зубами, какъ-бы приготовившимися на борьбу. И ты, двуногое существо, скаль свои зубы и рви въ клочья твоихъ соперниковъ: вотъ что, повидимому, имѣлъ въ виду шутникъ художникъ, создавая своихъ современныхъ церберовъ... А народу то, народу сколько! Точно муравьи снуютъ взадъ и впередъ, таща свою добычу въ

муравейникъ; одни идутъ чуть не бѣгомъ, другіе просто бѣгутъ, а третьи молніеобразно проскальзываютъ въ роскошныхъ экипажахъ, беззвучно катящихся на резиновыхъ шинахъ, на превосходныхъ тысячныхъ рысакахъ.

Перемѣнъ много и въ лицахъ: одни разбогатѣли, другіе раззорились, а иные расползлись, что добрая іоркширская свинья... Вонъ катитъ на своихъ воронныхъ рысакахъ разбогатѣвшій баловень счастья Н. Г., развалясь въ своемъ экипажѣ, небрежно посматривая на толпу; вонъ добрѣйшій С. К. сле тащится пѣшечкомъ. Боже, какъ онъ постарѣлъ и сгорбился! Что съ нимъ? Нездоровье-ли, или жизненные неудачи измучили и согнули въ дугу его крѣпкій организмъ? Скоро-же однако портятся люди! А вѣдь только пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ зналъ я его здоровымъ и работающимъ малымъ! Чья-же сильная рука столкнула его съ жизненной дороги, раздавила его и заняла его мѣсто?

На площадкѣ передъ входомъ въ капище, на ступеняхъ, ведущихъ на него, и на тротуарѣ, противъ, толчется тысячная толпа народу. И кого-кого только тутъ нѣтъ! Армянинъ, грекъ, жидъ, нѣмецъ, нашъ братъ русскій, татаринъ—все столпилось въ одну безформенную массу, толкающую и давящую другъ друга; каждый изъ этой толпы старается смять и оттѣснить другого отъ жирнаго жизненнаго куска. Пронырливый, терпѣливый, настойчивый идетъ впереди другихъ, но каждый изъ этой толпы нетерпѣливо ждетъ свою жертву: каждому вѣдь деньги нужны, каждый до нихъ лакомъ!..

Прежнее зазыванье: — «что покупаете? у насъ

покупали—пожалуйте!» — ребяческой приѣмъ сравнительно съ тѣмъ, что совершается теперь. Въ настоящее время лицо, нуждающееся въ сбытѣ своего товара, само придетъ къ вамъ, само предложитъ вамъ свой товаръ, уступить въ цѣнѣ и привезетъ его куда вамъ заблагоразсудится, вопреки старинной поговоркѣ: «хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ». Нѣтъ, нынче онъ не только ходитъ, но онъ ползаетъ и бѣгаетъ. Все теперь мѣняетъ свою форму и начинаетъ настраиваться на свропейскій или, точнѣе, жидовскій ладъ. На толстой и здоровой кожѣ современнаго торговца высплодился въ послѣднее время новый видъ паразита, который сосетъ до истощенія его могучее тѣло; этотъ паразитъ кусаетъ его утромъ: вечеромъ, ночью, и все съ одною и тою же цѣлью, какъ бы урвать у него кусокъ мяса. Паразиты эти зовутся: Срульками, Карлычами, Иванычами; они проникли во всѣ щели. Зайцы, маклера, сводчики, комиссіонеры, продавцы чужого товара, точно черви въ гниломъ сырѣ кишмя кишать на биржѣ. Иной изъ нихъ самъ угощаетъ покупателя, закармливая его до отвалу и спаивая до одурѣнія, другого угощаютъ сами торговцы, умащая его и ублажая, лишь бы онъ взялъ на себя трудъ сбытчика ихъ товара. Трактиру Лопашова на Варваркѣ такія угощенія приносятъ обильный доходъ и тамъ умѣло угощаютъ тѣхъ и другихъ. Многіе изъ нихъ расползлись до безобразія. Заяцъ Ф. раскормилъ себя точно на убой, а давно ли это было: «сопливый ученикъ одной школы!» Чѣмъ же собственно онъ приобрѣлъ милостивое покровительство судьбы, что она посылаетъ ему такія великія и богатые милости

въ образѣ сорокатысячнаго дохода? Какимъ блескомъ дарованія обладаетъ онъ? А эти Срульки, а эти Карлычи зачѣмъ здѣсь? Откуда ихъ напоззло столько? Вонъ одинъ изъ нихъ корчитъ изъ себя джентльмена, одѣваясь по послѣдней картинкѣ и прикрывая свою хитроумную голову парижской шляпой: „*шикъ*“. Не удивляйтесь, читатель, и такія шляпы есть! Вонъ другіе, толпящіеся на ступенькахъ Ваалова капища, принесли съ собою сюда всю грязь Бердичева: «Что вамъ нужно?—Я продаю товаръ Перлова, Лѣнинова, Вогау, Шибаева» и т. д., и т. д. Что? изумленно вы спрашиваете. Неужели и Сидоръ Мартыновичъ обзавелся продавцомъ иноплеменникомъ? Тотъ Сидоръ Мартыновичъ, который всегда отрекся отъ инородца, какъ отъ чумы. Неужели и онъ сдѣлалъ уступку всемогущему времени и сдѣлалъ то-же, что другіе, лишеныя нравственныхъ силъ люди? А гдѣ же всѣ смѣтливые и добродушные русскіе люди? Отчего васъ вытѣсняють отовсюду разные проныры и пройдохи? Васъ вообще вездѣ какъ-то необыкновенно мало. Вонъ васъ и въ числѣ присяжныхъ маклеровъ только $\frac{2}{3}$ всего наличнаго ихъ числа, а остальные пришельцы чуждыхъ странъ. Въ неофициальныхъ сферахъ авантюристовъ еще болѣе. Тутъ идетъ уже такая свалка, что и не разберешь. Гиммели и Шиммели пестрятъ своими вывѣсками улицы Москвы. Вонъ одинъ изъ нихъ вѣчно что-то распродаетъ, вонъ другой комиссіонерствуетъ, третій ростовщичествоствуетъ, пятый заводитъ фабрику галстуковъ, шестой продаетъ чорта въ ступѣ и т. д. безъ конца. Гешефтъ и гельдь стономъ стоятъ на всѣхъ перекресткахъ! Москва точно обиностранилась, разу-

красивъ себя снизу до верху даже вывѣсками на иноземныхъ языкахъ. Можетъ быть это сдѣлано такъ только для пущей важности въ отличіе отъ русскихъ синихъ и красныхъ вывѣсокъ, выдуманыхъ какимъ-то акцизнымъ мудрецомъ для украшенія нашихъ многочисленныхъ фабрикъ разгула—трактировъ и кабаковъ. Но тамъ, за тридевять земель, не такъ. Каждая страна пишетъ свои вывѣски только на томъ языкѣ, на которомъ говоритъ народъ. А о рѣчи уже и толковать нечего; тамъ ни англичанинъ, ни французъ, ни нѣмецъ не стануть ломать для васъ своего языка: какъ хотите, такъ и понимайте. Названные люди и переписываются съ вами не иначе какъ на своемъ языкѣ и вынуждаютъ васъ къ отвѣту на ихъ же нарѣчіи. И вотъ наши коммерсанты для такой переписки содержатъ иностранныхъ корреспондентовъ, и по странной близорукости, непременно изъ иностранцевъ же, какъ будто у себя дома нѣтъ своихъ людей для такого пустого дѣла. Я знаю немало солидныхъ торговыхъ фирмъ, гдѣ такими корреспондентами служатъ, получая за это огромное вознагражденіе, нѣмецкіе и австрійскіе евреи, и это тогда, когда свои люди зачастую голодаютъ. Бѣдные русскіе люди, жаль мнѣ васъ: вы наказываетесь своими же далеко не по заслугамъ!— «Онъ говоритъ по-нѣмецки», замѣчаютъ вамъ, а того не сообразятъ, что нѣмцу это такъ же легко, какъ не трудно русскому говорить по-русски. Спрашивается: гдѣ же основаніе для преимущества? Очевидно, оно таится въ рабскомъ поклоненіи передъ всѣмъ чужимъ, къ которому насъ такъ старательно приучили съ давнихъ поръ. И вотъ, благодаря этому обстоя-

тельству, мы давно уже утратили значеніе хозяевъ въ своей родной землѣ. Теперь если не вся торговля, то значительная ея часть находится въ рукахъ иноземцевъ, которые знаютъ условія нашей промышленности не хуже насъ. А мы? находимся ли къ нимъ хотя приблизительно въ равныхъ условіяхъ? Есть ли, напримѣръ, наши русскіе люди хотя бы въ числѣ служащихъ въ иностранныхъ земляхъ? Къ сожалѣнію, отвѣтить придется отрицательно. Правда, въ Парижѣ, напримѣръ, намъ доводилось встрѣчаться съ русскими, служащими въ тѣхъ магазинахъ, на окнахъ которыхъ красуются вывѣски: «здѣсь говорятъ по-русски» и даже объясняются къ вящему огорченію на бердичевскомъ или варшавскомъ жаргонѣ. И только. Но не говоря объ этомъ, я съ трудомъ могъ взглянуть, и то только мелькомъ, на нѣкоторыя фабрики, не смотря даже на покровительство вліятельнаго лица. Иностранцы ревниво оберегаютъ секреты своей промышленности и говорятъ, что у нихъ дѣло обходится и безъ нашего брата. А у насъ ни одно дѣло не обходится безъ посредства иноземца и мы благоговѣнно склоняемъ передъ нимъ свою выю! У насъ зачастую какойнибудь американскій гражданинъ изъ числа бѣжавшихъ откуданибудь отъ воинской повинности играетъ огромную роль. А какойнибудь бородатый купчина, да еще изъ древле-православныхъ, обнимается съ нимъ, бражничаетъ и угощается, и въ благодарность за такую любезность, покупаетъ у него товаръ своего сосѣда, къ которому онъ какъ будто и дороги не знаетъ. И вотъ Гиммель и Шиммель доить какъ коровъ: и того, чей товаръ онъ продалъ, и того, кто его купилъ, сдирая полно-

вѣсную комиссію. Не удивительно поэтому, что эти комиссіонеры и наживаютъ тысячъ по сорока въ годъ. Спрашивается: гдѣ же головы у нашихъ коммерческихъ тузовъ, что они не поймутъ до сихъ поръ жалкой роли, которую они разыгрываютъ передъ всякимъ пришельцемъ? Жанъ-Жакъ Руссо гдѣ-то сказалъ: «въ нравственной силѣ заключается богатство народовъ и личностей; въ практической дѣятельности зависѣтъ отъ другихъ, значитъ быть ихъ рабомъ». И дѣйствительно, какими жалкими и ничтожными кажемся мы съ нашей простотой разнымъ прохвостамъ и пройдохамъ, которые, разбѣдаясь на нашъ счетъ, насъ же ругаютъ «свиньями, дураками, болванами, невѣждами». Какая злая иронія и какой поучительный урокъ для тѣхъ, кто нисколько не сознаетъ своей нравственной силы! А пора бы!

— Послушайте, спросилъ я своего пріятели,— неужели же русскіе совсѣмъ не способны справиться съ своимъ дѣломъ безъ посторонней помощи?

— Ничуть не бывало. Но, къ сожалѣнію, наши тузы ни въ грошъ не цѣнятъ своихъ, а безсмысленно подчиняются всякому пройдохѣ.

Но въ это время подошелъ къ намъ одинъ «Карлычъ», и поведя рѣчь о плохихъ торговыхъ дѣлахъ, сказалъ:

— Ви шалуетесь на плохой дѣль, ни хтъ плохой дѣль завсѣмъ, надо только умѣй корошо дѣлатъ. О, уфъ васъ мошно дѣлай дѣла. Вотъ на мой фатерландъ завсѣмъ нельзя дѣлай, тамъ насъ ошень много, а здѣсь мошно хорошій денги заработайтъ.

Рецептъ для наживы кажется очень простъ, какъ сказалъ Карлычъ: надо только умѣть дѣлатъ.

— Совѣтую попробовать, язвительно отвѣтили знакомый. Но надо прежде познакомиться съ средой толстосумовъ и вы увидите, что рецептъ Карлыча окажется нѣсколько сложнѣе, особенно для русскаго, которому нашъ богачъ и руки не подаетъ, а вотъ того, съ кѣмъ мы сейчасъ говорили, онъ даже обниметь. Такъ для него дѣйствительно не хитро дѣлать хорошія дѣла, когда у него есть такая поддержка. А на-ка, прочти вотъ это, тыча пальцемъ на «Московскія Вѣдомости», сказалъ мой знакомый.

Читаю:

«Правленіе Товарищества С. М. Шибаева и К^о имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что г. Германъ Ивановичъ Глюкъ не состоитъ болѣе у Товарищества».

— Ну, и что-жь? Богъ съ нимъ, не состоитъ, такъ не состоитъ: важность не велика; мало ли людей служатъ и оставляютъ занятія у своихъ хозяевъ! А много онъ у него получалъ?

— Тысячъ двѣнадцать въ годъ.

— Кушъ изрядный! Пару хорошихъ профессоровъ можно содержать на эти деньги. Скажите, что этотъ Глюкъ—ученый, великаго ума человекъ, и что онъ дѣлалъ у г. Шибаева?

— Это просто-на-просто комиссіонеръ по продажѣ минеральнаго масла и не больше.

— Такъ за что-же ему такъ много платилъ г. Шибаевъ?

— Право не знаю. Теперь прочти-ка вотъ это!

Читаю:

«Отъ Германа Ивановича Глюкъ. Довожу до свѣдѣнія моихъ покупателей, что многолѣтняя прак-

тика по продажѣ смазочныхъ маслъ всегда убѣждала меня, что только лучшимъ товаромъ можно снискать популярность на рынкѣ. Въ настоящее время я оставилъ практику въ фирмѣ Т-ва С. М. Шибаева и К^о; о предстоящей моей дѣятельности не замедлю увѣдомить своихъ кліентовъ циркулярами».

— И это понимаю. Между хозяиномъ и служащимъ произошла размолвка; ну, и пришлось разстаться. Но въ объявленіи Глюка есть и подробности. Оказывается, во 1-хъ, что онъ говоритъ съ покупателями, какъ съ лицами, которыя имѣли дѣло съ нимъ, Глюкомъ, а не съ фирмою Шибаева; во 2-хъ, онъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что многолѣтняя практика убѣдила его, что только лучшимъ товаромъ можно снискать популярность на рынкѣ; и въ 3-хъ, а такъ какъ лучшаго товара въ Товариществѣ Шибаева не имѣется, то онъ и ушелъ отсюда. Положимъ, послѣдняго Глюкъ не сказалъ, но все равно, это само собой выясняется изъ сказаннаго объявленія.

— А какъ вы думаете о существѣ распространенія такихъ мыслей?

— Никакъ не думаю. Объ этомъ надо думать Сидору Мартыновичу и сотнѣ подобныхъ ему торговцевъ, которые не могутъ сообразить, что ихъ торговое дѣло никогда не можетъ имѣть солидныхъ основъ, пока они будутъ вести его такимъ порядкомъ. Развѣ можно допустить, чтобы солидно поставленное дѣло велось при посредствѣ особыхъ специальныхъ продавцовъ, рыскающихъ по покупателямъ и гоняющихся за ними какъ за краснымъ звѣремъ? Солидный и дѣльный торговецъ могъ бы вести свои дѣла лично

отъ себя безъ ненужныхъ посредниковъ-продавцовъ. Я даже думаю, что Шibaевъ вправѣ привлечь своего бывшего служащаго къ отвѣтственности за инсинуаціи о достоинствѣ его произведеній, такъ какъ это несомнѣнно можетъ имѣть очень дурное вліяніе на его торговля дѣла, подрывая ихъ въ самой основѣ. Такое явленіе за границей способно было бы возбудить цѣлую бурю. Тамъ о немъ узналъ бы весь торговый и промышленный міръ, и плохо пришлось бы лицу, позволившему себѣ такой поступокъ; тамъ биржевой комитетъ составилъ бы немедленное постановленіе объ удаленіи такого лица изъ стѣнъ биржи, и вліятельные торговцы сплотились бы какъ одинъ человѣкъ для борьбы съ такимъ явленіемъ. А у насъ, я думаю, и рта никто не раскроетъ, чтобы сказать слово негодованія по этому поводу и, пожалуй, радоваться еще будутъ неудачѣ ближняго.

Но это способно навести на крайне печальныя соображенія. — Стадо животныхъ, когда нападаетъ на нихъ какой нибудь хищникъ, и то старается отразить нападѣніе и часто успѣваетъ въ этомъ. А наши коммерсанты неужели хуже неразумныхъ существъ и ничего не предпримутъ для отстраненія нѣкоторыхъ вредныхъ формъ, ворвавшихся въ нашу торговлю и очевидно мѣшающихъ ся правильному развитію? Мы жалуемся на экономическую неурядицу, разстраивающую наше благосостояніе, обвиняя въ этомъ то тѣхъ, то другихъ, но нельзя не сознаться, что въ созданіи такого порядка вещей и мы лично виновны не менѣе другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не сознаться, что иноземщина задавила

насъ совсѣмъ, захвативъ въ свои загребистыя лапы всѣ лучшія отрасли нашей торговли, промышленности и ремесль. Иноземець у насъ вездѣ стоитъ во главѣ, оставляя намъ на долю только второстепенныя занятія. Производствъ, которыя бы находились внѣ иностранной конкуренціи, у насъ вовсе не существуетъ, и мы, такимъ образомъ, оказываемся вѣчными данниками нашихъ близкихъ и далекихъ друзей-иноземцевъ. Недавно возникла было у насъ самостоятельная отрасль промышленности по выработкѣ минеральныхъ маслъ изъ отечественнаго продукта и казалось бы, что хоть здѣсь мы будемъ первенствовать на Европейскомъ рынкѣ. Не тутъ-то было. Еще ничего не видя, а уже тамъ возникло нѣсколько заводовъ для переработки нашей нефти, которая и доставляется туда Нобелемъ и другими, беспошлинно, миллионами пудовъ, и мы уже накануне того дня, когда не возьмутъ отъ насъ ни одного фунта отечественной фабрикаціи и—что грѣха таить—пожалуй еще намъ же стануть продавать свои издѣлія. Видите, какъ иностранцы ревниво охраняютъ себя отъ всякой зависимости, а мы окружаемъ себя всякаго сорта посредниками иноземнаго происхожденія, явившимися сюда, можетъ быть, только для того, чтобы изучить нашу торговлю. Дѣлаемъ ли мы чтонибудь подобное? Разумѣется, нѣтъ. Да и вообще тамъ, за границей, въ средѣ промышленниковъ и духу нашего не пахнетъ.

Мы вытѣсняемся тамъ даже съ хлѣбнаго рынка, и лица, завѣдующія хлѣбными складами, съ презрѣніемъ отзываються о нашей милой пшеничкѣ, которую мы имѣли обыкновеніе отправлять туда. На одномъ

элеваторѣ, въ Англии, одному господину пришлось спросить: «А что русская пшеница у васъ есть?» «Нѣтъ, мы этого добра (разумѣй въ переносномъ смыслѣ) не держимъ». Понимаете ли вы всю прелесть такого отвѣта? Нѣтъ? Предоставляю подумать.

II.

Благодѣтельный дождь, оросившій землю, принесъ городу Москвѣ неисчислимыя выгоды: онъ, во первыхъ, далъ отдыхъ городскимъ клячамъ, развозящимъ воду, взятую изъ прудовъ и колодцевъ для поливки улицъ, всѣмъ далъ вообще подышать хоть часъ, хоть день одинъ, воздухомъ, а мнѣ удовольствіе прокатиться съ величайшимъ комфортомъ на имперіалѣ омнибуса желѣзно-конной дороги, съ высоты котораго я съ гордостью смотрѣлъ на несчастныхъ пѣшеходовъ, спотыкающихся ежеминутно въ выбоинахъ нашихъ образцовыхъ тротуаровъ. Около станціи Рязанской желѣзной дороги на верхушку омнибуса влѣзь какой-то щеголевато одѣтый въ смазные сапоги и «спинжакъ» артельщикъ и хотѣлъ расположиться какъ разъ рядомъ со мной; но такъ какъ мѣста для этого было недостаточно, то я и предложилъ ему продвинуться нѣсколько дальше; но артельщику почему-то это не понравилось; онъ сталъ спорить и продолжалъ стоять. А омнибусъ межъ тѣмъ подѣзжалъ уже къ мосту соединительной линіи Курской желѣзной дороги, подъ который можно проѣхать только сидя на скамейкѣ, въ противномъ случаѣ не трудно и лобъ разбить.

— Эй, чортъ, обернись! съ непривычки то не выдержишь и разобьешь черепъ, закричалъ кто-то.

Толпа захохотала; захохоталь и самъ чертъ «въ спинжакъ» и присѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ.

Такимъ образомъ проѣхали благополучно.

Я сошелъ съ омнибуса близъ Красныхъ воротъ и пѣшечкомъ отправился по Мясницкой, направляясь къ храму Ваала. Улица Мясницкая однако сильно перемѣнилась: дома какъ-то выросли и украсились множествомъ вывѣсокъ новыхъ торговыхъ фирмъ; только неровности тротуаровъ и мостовыхъ остались въ прежнемъ видѣ. Чудо какъ хорошо въ Москвѣ! А вотъ и мои друзья иноземцы, попадающіеся на каждомъ шагу. Прежде изъ такихъ я зналъ на Мясницкой только братьевъ Бутеноповъ, называвшихъ себя инженерами, да и то потому, что часто свѣрялъ мои дешевенькіе карманные часы съ дорогими башенными, красовавшимися на ихъ домѣ. Моя тогдашняя неопытная юность вѣрила въ несомнѣнную точность этихъ часовъ такъ же, какъ вѣрили въ нее и мои товарищи по службѣ, а русскіе помѣщики—въ честность самой фирмы, снабжавшей ихъ сельско-хозяйственными машинами. Я какъ сейчасъ вижу одного изъ этихъ инженеровъ, толкущаго свою душистую сигару, запахъ которой напоминалъ мнѣ горѣлую кость. Благодаря этимъ двумъ характеристическимъ особенностямъ, эти инженеры и не умираютъ въ моей памяти. Была впрочемъ и третья, напоминавшая о ихъ существованіи: это—огромное количество бочекъ сахарнаго песку, валявшася на дворѣ, сваленнаго какимъ-то русскимъ

баринoмъ для продажи. Этому барину претило тогда имѣть дѣло непосредственно съ купчишками; вотъ онъ и выбралъ для посредничества мясницкихъ инженерoвъ, которые за свою услугу и получали прекрасную комиссію, я думаю, нисколько не меньше той, какую получаютъ современные маклера и сводчики. Теперь этой фирмы нѣтъ и на мѣстѣ ея красуется какая-то другая Эмиля Липгардтъ. Гдѣ-же теперь Бутенопы, эти излюбленные нашими старыми помѣщиками продавцы сельско-хозяйственныхъ машинъ? Говорятъ, они умерли. Если бы они были живы, то вѣроятно многое могли бы рассказать о прекрасномъ прошломъ нашего барства, такъ какъ этимъ братьямъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло какъ разъ въ славную пору его могущества. Вообще эта фирма могла бы сообщить массу прекраснаго матеріала для весьма интересныхъ выводовъ объ общественномъ строѣ нашей прошлой жизни. Даже и наслѣдники этой фирмы, говорятъ, давно сошли со сцены міра: одни по собственной волѣ, другіе по волѣ судьбы. Одинъ изъ молодыхъ Бутеноповъ, какъ извѣстно, кончилъ жизнь самоубійствомъ, доведенный до этого нищетою. Это произвело тогда въ Москвѣ большой шумъ. Говорили объ этомъ много и долго, какъ о необыкновенно рѣдкомъ событіи. Теперь о такихъ вещахъ много не толкуютъ, а лишь отмѣчаютъ въ полицейскихъ протоколахъ, и то только по обязанности, но не больше. Умеръ ли человекъ, удавился ли, или застрѣлился — все равно, одна цѣна: однимъ человекомъ стало меньше, число поколебалось на мгновение и только на мгновение, потому что завтра же,

сейчасъ же, можетъ быть даже сію минуту, удали-
 вшагося въ міръ загробный замѣнила новая двуногая
 особь, встрѣтившая первые проблески свѣта съ кри-
 комъ, плачемъ и страданіями, этими неизбѣжными
 спутниками жизненныхъ условій, не дающими ему
 покоя отъ колыбели до могилы. — Да, Бутенопъ на
 Мясницкой, торговавшій машинами и сельско-хозяй-
 ственными орудіями, былъ только одинъ. Теперь
 конкурентовъ преемнику его, Липгардтъ — цѣлый
 легіонъ. Вонъ недалеко отъ него торгуетъ однород-
 ными съ нимъ товарами нѣкто Флугъ, который
 къ воротамъ въ видѣ вывѣски прикрѣпилъ желѣзный
 плугъ. А такъ какъ плугъ и флугъ—риемуются, то
 современнымъ виршекропателямъ и предоставляется
 право воспользоваться такимъ счастливымъ соче-
 таніемъ словъ для своихъ деревянныхъ стиховъ.
 Потомъ почти рядомъ съ Липгардтъ присосѣдились
 Понтигаіо, Томасъ, Смитъ, Рубинштейнъ и Готье;
 далѣе, перейдя площадь противъ почтамта, мы встрѣ-
 чаемъ Тильманса и К°. Кто этотъ Тильмансъ? Я
 слыхалъ когда-то о какомъ-то Тильмансѣ, служи-
 вшемъ у Бутенопа. Можетъ быть это и въ самомъ
 дѣлѣ одинъ изъ обломковъ, уцѣлѣвшихъ отъ этой
 славной фирмы? За тѣмъ видимъ: Пло, Роберта
 Пфейффера, Тольхъ, Буркгардъ и Урлаубъ, Зигеля,
 Шодуаръ, Густава Листа, того Листа, который такъ
 удобно расположился съ своей фабрикой чуть не
 противъ Императорскаго дворца и безцеремонно
 коптитъ и небо и дворецъ изъ своей огромной трубы,
 дымъ которой разстилается на огромное простран-
 ство и который, не довольствуясь одной коптилкой,
 выстроилъ на дняхъ другую такую же, равную по

величинѣ доброй колокольнѣ, и собирается коптить небо въ усиленномъ видѣ. Но эти торчащія мавзолеи промышленности—коптящія трубы—совсѣмъ испортили видъ на прелестное Замоскворѣчье, которымъ подолгу любовались пріѣзжіе знатные и незнатные иностранцы и не иностранцы. Было время, когда публика страшно возмущалась за порчу картины Замоскворѣчья постройками откупщика Кокорева, но затѣмъ привыкла и перестала возмущаться. Перестанутъ затѣмъ обижаться и на мавзолеи Листа и тому подобныхъ гусей промышленности, тѣмъ болѣе что постройки эти вѣроятно были произведены съ разрѣшенія нашей Городской Управы. Что-же касается до тротуаровъ, то ихъ давно слѣдовало бы сдѣлать во всей Москвѣ по одному образцу безъ ямъ и ухабовъ противъ вѣздовъ въ ворота, и если москвичи не знаютъ, какъ это сдѣлать—могли бы спросить: авось, нашлись бы люди, готовые дать полезное указаніе и совѣтъ. Если находятся добровольцы для постройки театровъ и драматическихъ, и оперныхъ, то нашлись бы и для вразумленія управскихъ дѣльцовъ, и по части лучшаго замощенія улицъ и постройки тротуаровъ.

Далѣе пошли слѣдующія фирмы: Беланже, Эмиля Шиллера, Киргофа, братьевъ Урлаубъ, Бромлея, братьевъ Линдемманъ, Малкіеля и наконецъ Густава Кеппенъ. Итого двадцать три торговца, на одного преемника Бутенопа, Лингардтъ! И это только на одной Мясницкой. А на другихъ улицахъ? Но объ нихъ послѣ, а теперь довольно съ васъ и этого, и если вамъ желательно поболтать по-англійски, пожалуйста на Мясницкую къ Томасу Гуду, то бишь

Смиту, но я искренно убѣжденъ, что нашъ московскій Томась непременно долженъ быть поэтомъ своего рода и хорошо пропоетъ сладкую пѣснь о преимуществахъ англійскихъ стальныхъ издѣлій. Съ французами разрѣшается говорить на чисто парижскомъ нарѣчїи; ну, и съ остальными можете бесѣдовать и по-нѣмецки, и по-жидовски, или, наоборотъ, какъ угодно—это будетъ все равно, ибо если вы и ничего не поймете, то васъ поймутъ отлично и если надобность укажетъ, то и выучать. Очевидно, что Россія процвѣтаетъ, обзаводится въ усиленной степени фабриками, заводами и сельскохозяйственными орудїями. Вонъ ихъ сколько навезли сюда! Покупайте, только не лѣнитесь! И мы вѣроятно что-нибудь покупаемъ, потому что у насъ не остается ни денегъ, ни хлѣба и всѣмъ намъ ничего не остается, какъ только гранить мостовыя бѣлокаменной, а пришельцамъ разрѣшается раскатывать на жирныхъ рысакахъ. Право, не дурно живется у насъ всякому прїѣзжему къ намъ иноземному гостю; они обзавелись здѣсь всѣмъ, чѣмъ разрѣшается обзаводиться всякому добропорядочному человѣку: торговлей, домами, фабрикой, лошадьми, деньгами.— Вонъ почтенный Прове какъ прокатилъ мимо меня, точно вѣтеръ! Куда онъ такъ спѣшитъ? Вѣроятно въ храмъ Ваала, этотъ центръ всяческихъ сладкихъ вожделѣній. Тамъ ловкій и пронырливый скоро успѣваетъ въ достиженїи намѣченныхъ цѣлей. Вся и задача состоитъ только въ прїобрѣтенїи ловкости, а поучиться этому на биржѣ есть у кого. Тамъ учатъ насъ такъ, «ажъ шкура болыть», какъ выразился одинъ нашъ знакомый хохоль, у котораго отъ

этого ученья остался въ наслѣдство только «одинъ очкуръ отъ штанивъ», какъ тотъ-же хохликъ картинно выразился.

Но вотъ мы и у храма Ваала. Народу по обычаю—тьма. Главныя двери растворены настежь; въ воздухѣ стоитъ невообразимый гулъ. Всѣ, кто есть на биржѣ, толкуютъ въ полголоса, разбившись на кружки и пары. Центрѣ биржи занять толпою иностранцевъ, быстро перебѣгающихъ съ одного мѣста на другое, на ходу торопливо объясняющихся то съ тѣмъ, то съ другимъ, любезно потрясая руку одному и дружески похлопывая по спинѣ другого. Ясно до поразительности, что они здѣсь первенствуютъ, что они въ храмѣ Ваала свои люди. Маклера и сводчики то того подхватываютъ подъ руку, то другого и жарко объясняются другъ съ другомъ, точно любовники. Очевидно, что рѣчь идетъ о самой пріятной матеріи: иноземець весело осклабился, на что сочувственно и отзывается маклеръ. Говорятъ по-нѣмецки. Одинъ рассказываетъ о продажѣ, другой благодарить и просить «пожаловать» въ контору за полученіемъ гонорара. Дѣло сдѣлано: кто-то околпачень.

Лѣвая часть биржевого зала занята халатниками, настоящими, заправскими, объясняющимися на татарскомъ, тюркскомъ, персидскомъ и другихъ восточныхъ нарѣчіяхъ. Подошедшій къ нимъ черномазый армяшка, тоже должно быть сводчикъ, что-то энергически объясняетъ. Въ заключеніе я слышу: «Алла разы олсунъ». Значить, и тутъ дѣло сдѣлано и кто-то околпачень!

Правѣе опять толпа и опять не русскихъ людей. Тутъ сыны Израиля, но что они говорятъ, разобрать невозможно, потому что всѣ до одного говорятъ разомъ и тѣмъ не менѣе понятно другъ для друга. Я ничего не могъ разобрать, кромѣ одного «гельда», который и теперь звенить въ моихъ ушахъ. Но здѣсь навѣрное околпаченныхъ сотни!

А гдѣ-же русскіе? Ихъ совсѣмъ не видно, но зато передо мной толкуются тысячи субъектовъ, одѣтыхъ въ невообразимо фантастическіе костюмы отъ чернаго до зеленаго цвѣта включительно. Даже традиціонныхъ цилиндровъ ни на комъ не видно. Значить, и дѣловое челоуѣчество, украшавшее свою голову этой коробкой, когда отправлялось на биржу, измѣнило своимъ привычкамъ. Прошлое это я живо помню, и самъ, когда бывалъ въ храмъ Ваала, украшалъ свою голову цилиндромъ какъ и другіе. Теперь не то: каждый одѣвается какъ ему вздумается, по поговоркѣ «всякій молодецъ на свой образецъ». Вонъ одинъ малый съ нахальной рожей, заваливъ свою шляпу «котелокъ» на затылокъ, одѣлся въ клѣтчатое пальто и брюки и обулся въ суконные безъ каблуковъ башмаки, толчется на одномъ мѣстѣ, точно медвѣдь, и зорко кого-то высматриваетъ. И навѣрное высмотритъ и оболванитъ. Сову видно по полету! Вонъ я вижу въ этой-же толпѣ Ферстера, Репинакъ, Беренса, Маттерна, Арно, Фрейтага, Музиля, не того Музиля, который лицедействуетъ на сценѣ Малаго театра, нѣтъ—другого, маклера, дѣйствующаго на биржѣ. И многое множество другихъ съ затѣйливыми фамиліями я вижу, но перечислять ихъ нѣтъ ни нужды, ни интереса.

Ну, а гдѣ-же собственно рускіе люди? Гдѣ они? Какъ мало васъ, мои родные! Совсѣмъ заполонилъ васъ иноземный промышленный людъ! Но вотъ наконецъ есть кое-кто и изъ русскихъ; всѣ они скромненько столпились въ концѣ биржи съ правой стороны. Вотъ тамъ стоитъ Александръ Константиновичъ Трапезниковъ, вонъ Иванъ Кондратьевичъ Поляковъ, Василій Николаевичъ Лепешкинъ, вонъ и еще кто-то. Къ нимъ то и дѣло подбѣгаетъ то тотъ, то другой. Вотъ къ одному изъ нихъ подско-чилъ юркій Николай Григорьевичъ Зарайскій, что-то сказалъ и скрылся въ толпѣ. А вотъ и мощная фигура Павла Васильевича Осипова съ цилиндромъ на головѣ по старинному; видно, Павелъ Васильевичъ помнитъ еще старинку, энергически жестикулируетъ руками и объясняется съ какимъ-то пигмеемъ, поднявшимъ свою голову и глядящимъ на него точно на гиганта. Родится же такая мелочь, да еще и попрыгиваетъ! Чудно! А вотъ и еще кто-то есть изъ русскихъ, но вообще ихъ мало, очень мало. Не хвалю васъ за это, мои милые соотечественники! Ужъ если вы въ настоящее время съ такою податливостью уступили свое дѣло разнымъ иноземцамъ, то скажите ради Бога, что ждетъ васъ дальше? Въ настоящемъ же вы какъ будто оказываетесь совсѣмъ неспособными ни на какое дѣло и съ покорностью отдаете его въ чужія руки. Мануфактуры славныхъ когда-то фирмъ гибнуть и лопаются съ необычайной быстротой одна за другой.

Гдѣ-же кроются причины столь печальнаго явленія? Въ лѣни ли, или равнодушіи нашемъ къ будущимъ судьбамъ отчизны, или въ неумѣньѣ дѣ-

лать дѣла? Вотъ вопросы, которые не мѣшало бы
 изслѣдовать обстоятельно, надъ разрѣшеніемъ коихъ
 слѣдовало бы поработать нашимъ профессорамъ-
 экономистамъ,—Чупрову, Янжулу и прочимъ,—такъ
 много работающимъ въ области отвлеченныхъ эконо-
 мическихъ знаній и ломающихъ голову надъ тѣмъ,
 что по поводу ихъ сказали. А Смитъ, Милль, Лассаль,
 Родбертусъ, Дюрингъ или кто-нибудь изъ нашихъ
 великихъ людей на малыя дѣла! Отчего бы, напри-
 мѣръ, не спуститься съ этихъ высотъ на практи-
 ческую почву и не заняться разрѣшеніемъ—ну, хоть
 такого вопроса: отчего, на примѣръ, Жерардовская
 льнопрядильная и ткацкая мануфактура Гиля и
 Дитрихъ, устроенная близъ Варшавы, производятъ
 огромные обороты, сбывая свои товары къ намъ
 въ Москву, а нашихъ ярославскихъ фабрикантовъ:
 Грибанова, Локалова, Дьяконова и др. значительно
 меньше, не смотря на болѣе выгодное географиче-
 ское положеніе и несравненно болѣе долгое суще-
 ствованіе? Почему, на примѣръ, чайное дѣло, находи-
 вшееся прежде исключительно въ рукахъ русскихъ
 людей, разбилося на куски, значительная доля
 которыхъ досталась въ руки пришельцевъ? Почему
 мы во всемъ зависимъ отъ иностранцевъ, а не на-
 оборотъ? Почему мы не имѣемъ успѣха въ сбытѣ
 своихъ товаровъ, а они имѣютъ? Чего-же собственно
 недостаетъ намъ, чтобы находиться по отношенію
 къ иноземцамъ хотя бы въ приблизительно равныхъ
 условіяхъ? А вѣдь мы знаемъ, что русскіе люди
 могутъ кое-что дѣлать и иногда не хуже заморскихъ
 гостей. Знаете ли вы, на примѣръ, мануфактуру То-
 варищества В. Морозова съ Сыномъ? Нѣтъ? Ману-

фактура эта вырабатывает исключительно бумажные товары: трико народное, плисъ и бархатъ всевозможныхъ цвѣтовъ и холстинки разнообразнѣйшихъ рисунковъ для женскихъ костюмовъ, и я долженъ сказать, вырабатываетъ до того прекрасно, что почти не имѣетъ соперниковъ. Товаръ этой фирмы сходилъ у мѣлкихъ торговцевъ обыкновенно за иностранный за необыкновенно дорогую цѣну. Потребители узнали объ этомъ только тогда, когда фирма эта устроила собственный розничный магазинъ, выручка въ которомъ достигаетъ поразительной цифры. Значить, торговать можно хорошо и даже очень хорошо. Но для этого, какъ оказывается, нужно быть истинно русскимъ человѣкомъ, какимъ въ данномъ случаѣ является управляющій этой фирмой, Иванъ Кондратьевичъ Поляковъ, доказавшій всѣмъ, что и русскихъ Господь не обдѣлилъ разумомъ. Но вѣдь Иванъ Кондратьевичъ у насъ не одинъ, ихъ найдется много; необходимо только, чтобы хозяева фабрикъ и заводовъ образумились и поняли наконецъ, что успѣхъ всякаго дѣла не зависитъ отъ поклоненія всякому иноземцу, а отъ сознанія собственныхъ силъ и отъ умѣнья взяться за дѣло. Одинъ осилить его не можетъ, дѣйствуйте сообща, но безъ постороннихъ пособниковъ, которые какъ волки, сколько бы ихъ ни кормили, все въ лѣсъ глядѣть стануть. И мало-ли такихъ волковъ мы знаемъ, фирмы которыхъ существуютъ здѣсь только для наживы съ тою единственною цѣлью, чтобы нажитое вывезти въ свою страну и почить на лаврахъ гдѣ-нибудь на берегу Рейна, или въ горахъ Шварцвальда! И такъ, тотъ кому дорого

благо и счастье Россіи, кто желаетъ содѣйствовать развитію и процвѣтанію отечественной промышленности, кому дорога честь русскаго имени и который желалъ бы сохранить его и на будущее время, тотъ ни на минуту не задумается согласиться съ нами, что намъ свое родное слѣдуетъ любить прежде всего и защищать его всѣми силами отъ расхищенія.

Но вотъ раздался звонокъ, и толпа валомъ повалила изъ храма Ваала, давя и толкая другъ друга. Тѣсно до безобразія. И тутъ мы являемся непредусмотрительными. Ну, чтобы, на примѣръ, биржевой залъ устроить попросторнѣе! Вѣдь все равно передѣлывали же его недавно! Видно, мозгу не хватило сообразить, что Москва растеть быстро и что населеніе ея уже перевалило за миллионъ и, кто знаетъ, гдѣ будетъ предѣлъ ея роста?

Иноземцы, оказывается, сообразительнѣе. Прежде, на примѣръ, они сосредоточивали свою дѣятельность исключительно въ Петербургѣ, а теперь стали переползать сюда, и улицы Москвы запестрѣли ихъ фамиліями. Радуйтесь и веселитесь, господа, но не доводите народъ до нищеты, потому что бѣдность не даетъ добрыхъ совѣтовъ, и бѣднякъ, какъ говоритъ персидскій поэтъ Саади, «не станетъ разсуждать, когда захочетъ ѣсть—чье мясо ему попадетъ: верблюда ли пророка Салеха, или Деджалева осла!»

III.

«Люди, что мухи, чѣмъ ихъ больше, тѣмъ хуже: засидятъ всякое дѣло», сказалъ Шопенгауеръ. А какой-то изъ русскихъ экономистовъ выразился такъ:

«чѣмъ торговцевъ больше, чѣмъ энергичнѣе соперничество, тѣмъ выше качество товара, тѣмъ дешевле его цѣна на рынкѣ». По моему мысль Шопенгауера гораздо справедливѣе мысли нашего соотечественника, ибо зачастую случается, что купецъ въ погонѣ за наживой не только не заботится объ улучшеніи качества продаваемого имъ товара, но, наоборотъ, и для сбыта его прибѣгаетъ къ обманнымъ способамъ. При чемъ же тутъ соперничество? Но истинность заключенія Шопенгауера ясна и безъ провѣрки, ибо результатъ скопленія толпы будетъ именно тотъ, о какомъ говоритъ философъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы биржа посѣщалась меньшимъ числомъ людей, развѣ было бы въ ней столько грязи внѣшней и нравственной, сколько въ настоящую минуту? Развѣ завсегдатаи храма Ваала больше бы страдали, если бы не такъ часто бывали въ немъ? Развѣ зависть больше бы изсушала ихъ тѣло, если бы они рѣже наслаждались созерцаніемъ чужого благосостоянія, передъ которымъ такъ много люди лакействуютъ? Но учрежденіе существуетъ, процвѣтаетъ и переполнено народомъ. Вонъ дождь льетъ какъ изъ ведра, а толпа биржевиковъ крупныхъ и мелкихъ мнется и въ самомъ храмѣ Ваала, и передъ входомъ въ этотъ храмъ, точно дожидаясь очереди совершить какое-нибудь жертвоприношеніе, не терпящее отлагательства ни на одну минуту!

Храмъ Ваала точно магнитъ притягиваетъ къ себѣ все промышленное и промышленяющее челоѣчество: онъ плотно и со всѣхъ сторонъ окруженъ банками, банкирскими и иными конторами, нотариусами, мѣнялами. Всѣмъ есть дѣло до него; всѣ

толпятся около него и ждутъ подачки; жаждутъ ея и тѣ, кто ничего не дѣлаеть, кто ничего не приносить сюда съ собой: ни ума, ни таланта... Ну, какая польза, напимѣрь, вонъ отъ того долговязаго, высохшаго отъ зависти субъекта, который однако съ правильностью является на биржу каждый день всегда въ одно и то-же время? Какая польза отъ того коренастаго дебѣлаго парня, съ профилемъ à la Napoleon I, одѣтаго по послѣдней картинкѣ въ зеленатовое пальто, который точно гончій песь рыщетъ по биржевой залѣ съ записной книжкой въ рукѣ, внося туда порученія, относящіяся до перевода платежей за границу, ибо и безъ того вы пошли бы въ тотъ банкъ, который выслалъ его въ храмъ Ваала? Отдаеть отъ этого малаго специфическимъ душкомъ, даромъ что онъ одѣтъ по-европейски! Да это не бѣда: на биржѣ отъ такихъ запаховъ не оберешься, толпа привыкла къ нимъ и не претендуетъ на нихъ. Люди вообще умѣютъ уживаться со всякимъ добромъ! Вонъ привыкла же толпа низшихъ агентовъ биржевой спекуляціи толкаться на мостовой, противъ биржи, не взирая ни на грязь, ни на разверзшіяся хляби небесныя и завистливо поглядывать на счастливецевъ, взысканныхъ судьбой, находящихся внутри биржи. Но вѣдь это первая ступень, это школа, черезъ которую долженъ пройти всякій сводчикъ затѣмъ, чтобы достигнуть лучшаго положенія. Путь для бѣдняковъ, какъ видите, тернистый, который я желаю имъ перенести въ добромъ здоровѣ.

Большимъ, кромѣ хорошихъ пожеланій, мнѣ съ ними подѣлиться не чѣмъ. Вотъ если бы въ моихъ

рукахъ была какая-нибудь сила, я всенепременно распорядился бы: всю Ильинскую площадь и всѣ узкіе переулки торговой части города залить асфальтомъ, да не такъ, какъ дѣлаетъ наша Управа, въ листочекъ картонной бумаги толщиною, а нѣсколько попрочнѣе, — для наибольшаго наружнаго благообразія, а равно и въ видахъ гигиеническихъ, о которыхъ у насъ не заботятся ни миллионеры, ни бѣдняки. Хотя бы сжалились надъ бѣдной Москвой тѣ изъ домовладѣльцевъ, дома коихъ находятся на этой площади, для которыхъ трата въ десять-пятнадцать тысячъ на устройство асфальтовой мостовой была бы болѣе чѣмъ ничтожной, такъ какъ черезъ это владѣнія ихъ получили бы наибольшую цѣнность, а бѣдные шлифовальщики булыжниковъ сказали бы искреннее спасибо настоятелямъ Сергіевской Лавры и Іосифовскаго монастыря. Нуте-ка, попросите ихъ, господа!

Вольбрюкъ, Фрейгать, Пельцеръ, Бушъ, Квистъ, Россіанскій то и дѣло отворяютъ двери конторы съ предложеніями чаю.

— Не надо, господа, не надо: у насъ и своихъ торговцевъ довольно.

— Кто-же это, позвольте полюбопытствовать?

— Перловы, Расторгуевы, К. и С. Поповы, а если хотите, то и протобратья Поповы, которыхъ часто смѣшиваютъ съ К. С. Поповыми и которые отлично сходятъ за старую фирму и т. д., и т. д. Они отпустятъ мнѣ такого «Куай-нынъ», или «Сунъ-моа», что любо-дорого.

— Э, эхъ, простота вы, простота! Да знаете ли вы, что всѣ эти ваши русскія фирмы приобрѣ-

тають чай черезъ насъ-же, у иностранныхъ же торговцевъ? Вонъ вашъ знаменитый К. и С. Поповъ, такъ тотъ для этого даже контору свою имѣетъ въ Лондонѣ! Такъ какъ-же вы-то хотите обойтись безъ нашего посредничества?

То Поповы, а то я! Первымъ надо горы чаю, а мнѣ только одинъ фунтъ, но и тотъ я хочу купить у русскаго, а не у Вогау, Катуара или Кноопа, которымъ, а съ ними вмѣстѣ и вамъ, я не желаю платить ни одной копѣйки комиссіонныхъ; я лучше пойду къ Кузнецову, преемнику Губкина, къ Токмакову или еще къ кому-нибудь изъ своихъ русскихъ, скажу имъ: если вы, господа, вѣруете въ Бога по нашему, по православному, вотъ вамъ денежки, пожалуйста мнѣ хорошенькаго чайку, разумѣется, настоящаго китайскаго, а не рогожскихъ плантацій. Дорогу же къ нимъ такъ-же, какъ и къ вашимъ патронамъ, я отлично знаю и найду ихъ безъ вашихъ указаній. Однимъ словомъ, обдѣлаю дѣло и безъ ненужныхъ посредниковъ. Господа комиссіонеры покосились на меня ехидно и ушли. Должно быть обидѣлись. А мнѣ-то какое дѣло!

А однако около биржи много сосуновъ народнаго труда, разживающихся на его счетъ всякими путями. Нужды нѣтъ, что въ писаніи сказано: «не трудящійся да не ѣсть»; наоборотъ, еще какъ сладко ѣдятъ бездѣльники—на славу! Ну, объясните мнѣ пожалуйста, что собственно дѣлаютъ мѣнялы, конурки которыхъ съ грудями золота, серебра, бумажекъ всякихъ цвѣтовъ попадаютъ на Ильинкѣ чуть не на каждомъ шагу? А навѣрное они не только ѣдятъ, но и упитываются въ сласть, на что имъ даютъ возможность

груды денегъ, которыми вплотную набиты ихъ не-
 стораемые шкафы. Да и что наконецъ другое, кромѣ
 ѣды, стали бы дѣлать наши мѣнялы, большинство
 которыхъ носить на себѣ «большую печать»? Раньше
 мы имѣли дѣло только съ фамиліями иноземной
 фабрикаціи. Здѣсь же пошли уже свои: Гурьевы,
 Соловьевы, Глумовы, Молчановы, Потатуровы, Ан-
 дриановы, Осиповы, Степановы, Коляскины, Бобы-
 левы, Булочкины, Жуковы, Авдѣевы, Ильины,
 Волковы, Заславскіе, Большовы и т. п. Ремесло
 этихъ господъ чисто бездѣльное, но которое на-
 столько щедро вознаграждается, что даетъ имъ
 возможность дѣлать все, что только душенькѣ угодно,
 если бы этому не мѣшали кое-какія постороннія
 причины, вслѣдствіе которыхъ перерождается все
 существо мѣнялы. Про одного изъ нихъ рассказы-
 ваютъ, что онъ, недавно, въ ревнивомъ благочестіи
 отхватилъ себѣ собственными руками, что назы-
 вается вплотную, и ничего—выдержалъ,—только
 блѣднѣе сталь и еще ожесточеннѣе сталь смотрѣть
 на міръ, какъ бы желая его гибели.

А какъ вы думаете, господа, кто выдумалъ
 деньги? Я не шутя думаю, что ихъ выдумалъ скопецъ,
 лишенный возможности жизненныхъ наслажденій.
 Правда, исторія не сохранила имени этого изобре-
 тателя, но онъ непременно долженъ быть человѣкъ
 сухой, злой, ожесточенный. Изобрѣтая деньги, онъ
 навѣрное сказалъ: «такъ вотъ вамъ игрушки, которыя
 заставятъ васъ и все ваше потомство переносить
 самыя страшныя мученія; безъ денегъ жить вамъ
 будетъ нельзя ни одной минуты, безъ нихъ вы
 умрете голодной смертію!» И люди мучаются изъ-за

нихъ, люди страдаютъ, гибнуть... Ну, а дешевле сталъ размѣнъ денегъ оттого, что мѣняль расплодилось чертова дюжина? Нѣтъ. Спрашивается, при чемъ же тутъ благодѣтельная конкуренція, о которой такъ много толкуютъ экономисты?

Отчетъ Товарищества чайной торговли К. и С. Поповыхъ, напечатанный въ газетахъ, произвелъ на биржѣ пріятное впечатлѣніе. Валовая прибыль, которую получило Товарищество, равна 1.046,024 рублямъ, изъ коей за различными отчисленіями осталось чистой 782,317 р., что при условіи складочнаго капитала въ 1.500,000 представляетъ дѣло въ самомъ блестящемъ положеніи. Выдано въ дивидендъ по 10% на основной капиталъ и по 25% на каждый пай. Очень, очень не дурно! Служащимъ отчисленно «въ награду», хотя послѣднее слово и не употреблено въ отчетѣ, но понимается и безъ того 20,683 р. и въ пенсіонный капиталъ 41,326 р.; копѣекъ я не считаю. Послѣднее отчисленіе представляетъ необычайное явленіе въ торговомъ мірѣ; оно свидѣтельствуетъ о томъ, что хозяева нѣкоторыхъ домовъ поняли, что успѣхъ всякаго торговаго дѣла обуславливается не одною только величиною капитала, вложеннаго въ предпріятіе, но отъ умѣнья и той нравственной силы, которая ворочаетъ этимъ капиталомъ. А ворочаетъ имъ въ большинствѣ людъ служащій, на котораго обыкновенно смотрѣли какъ на яремное животное. Плоды такого взгляда часто выражались въ такой формѣ: или хозяинъ разорился, а служащій богатѣлъ, или,

наоборотъ, хозяинъ наживалъ огромныя деньги, а приказчикъ въ концѣ концовъ растрчивалъ силы и здоровье и дѣлался нищимъ. У меня есть одинъ вліятельный знакомый, которому не разъ доводилось выручать изъ бѣды такихъ несчастливцевъ и который всегда считаетъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, если ему удавалось возвращать имъ ихъ прежнее положеніе. Но много ли на свѣтѣ такихъ людей? Въ большинствѣ это зазнавшійся и забывшій свое прошлое народъ. А сколько я знаю такихъ зазнаекъ, которые при встрѣчѣ даже отвертываются и какъ будто не замѣчаютъ своихъ старыхъ пріятелей! Разбогатѣли, пузо нагуливать стали, такъ до того ли, чтобы сбересть свой человѣческій обликъ!

Трехпроцентнаго государственнаго налога съ чистой прибыли торговый домъ братьевъ К. и С. Поповыхъ отчислилъ 23.469 р. 54 коп., что, разумѣется, нисколько для торговыхъ дѣлъ не обременительно.

Но я недоумѣваю: зачѣмъ этотъ, столь блестяще поставленный, торговый домъ имѣетъ въ Лондонѣ свою контору и часть своихъ торговыхъ дѣлъ ведетъ при помощи иностранныхъ фирмъ? Неужели ему нельзя вести его черезъ своихъ агентовъ и прямо черезъ Ханькоу? И ужъ если такія сильныя фирмы не считаютъ для себя позорнымъ носить ярмо иностраннаго посредника, то что дѣлать человѣку маленькому, который поневолѣ весь свой вѣкъ возить воду на воеводу?

А иноземцевъ у насъ все-таки тьма! Теперь они стали селиться не только въ Москвѣ, но и въ ея окрестностяхъ. Очевидно, что мы нуждаемся еще

въ учителяхъ. И вотъ Шлихтерманъ, поселившійся у Симонова монастыря, научить насъ болѣе совершеннымъ способамъ выдѣлки вигони; Гутчинсонъ, пристроившійся въ Богородскомъ на фабрику бывшей Солодовникова, не того приснопамятнаго Солодовникова, капиталы котораго такъ соблазнительно дѣйствовали на Митрофанію, а другого—научить бумагопряденію; Шрадеръ, Армандъ, Пельцеръ—тканью кашемира и вообще шерстяныхъ матерій и т. д., и т. д. А свои фабрики, славившіяся еще такъ недавно своими произведеніями, какъ-то: Емельянова, Осипова, Майкова, Жукова, Нарышкина, Щенкова и иже съ ними—прикроемъ. А зачѣмъ онѣ вамъ? Можно довольствоваться фабриками Юкиша, Торнтона, Цинделя, Гужона, Штиглица, лодзинскими и проч., тѣмъ болѣе что товары на этихъ фабрикахъ вырабатываются прекрасно, а самыя фабрики управляются людьми просвѣщенными, которые если и наживутъ деньги, то употребятъ ихъ съ пользою для себя: увезутъ ихъ за границу и устроятъ тамъ подъ тѣнью широколиственныхъ платановъ, гдѣ-нибудь на берегу вѣчно шумящаго моря, безпечальное житье. А наши развѣ такъ поступаютъ? Они съ добра ума пьянствовать начнутъ, да пожалуй еще церкви строить, да колокола лить, больницы и богадѣльни устраивать. А просвѣтителямъ нашимъ до всего этого есть какое-нибудь дѣло? Ни малѣйшаго. Имъ бы только побольше нажить денегъ. И то чудесно!

Иностранная спекуляція разоряетъ насъ въ конецъ. Нѣтъ области, нѣтъ сферы, гдѣ-бы не чувствовалось ея могучее вліяніе; самаго незначитель-

наго повода достаточно для того, чтобы заставить насъ поплатиться такъ или иначе. Въ Англии, на-
примѣръ, Гладстонъ уступилъ свое мѣсто Салисбюри,
нашъ курсъ уже колеблется и золото дорожаетъ, а
Югансонъ, агентъ Сѣвернаго Телеграфнаго Агент-
ства, уже спрашиваетъ: «что новаго на биржѣ?»

IV.

Не славень пророкъ въ своемъ отечествѣ! Вотъ
почему такъ много является къ намъ всякихъ про-
роковъ; они жаждутъ славы, ищутъ поклонниковъ
съ одинаковой любовью и у насъ, и у Готтенто-
товъ. Для нихъ совершенно безразлично, кто ихъ
славословить: баранъ или осель. Все дѣло только
въ томъ, по какому курсу оплачивается славословіе.
Оно гораздо милѣе сердцу, если за него расплачи-
ваются по курсу не болѣе двухсотъ пятидесяти сан-
тимовъ, ибо при этомъ условіи можно заѣздить
всякій народъ до полной покорности, и тогда валяй
его по осунувшимся ребрамъ хоть казацкой на-
гайкой. Впрочемъ, просвѣщенные народы рѣдко
прибѣгаютъ къ такому дикому способу расправы,
предпочитая ему болѣе утонченный, смыслъ кото-
раго сохраненъ народной мудростью въ поговоркѣ:
«бей его не дубемъ, а рублемъ—скорѣе проймешь».
И вотъ насъ доняли, и мы начинаемъ понимать,
что работать на себя гораздо производительнѣе,
чѣмъ на авантюристовъ. Не хотятъ этого понять
только наши экономисты, проповѣдующіе самоотре-
ченіе отъ всякой самостоятельности и рабскую по-
корность передъ иноземной промышленностью. Они

говорять, что тамъ все дешевле и потому выгоднѣе для потребителя, которому нѣтъ надобности знать, кто удовлетворяетъ его потребностямъ: англичанинъ или французъ. Экономисты, можетъ быть, и правы по своему, но отнюдь не въ видахъ русской промышленности, для которой гораздо интереснѣе, если она развивается и совершенствуется на благо родины, а не въ интересахъ, положимъ, какого-нибудь Альфонса Ралле. Кстати: а знаете вы этого господина, снабжавшаго русскій носъ превосходнымъ амбре и курительными бумажками? Еще бы не знать! Фабрика его существуетъ и до сихъ поръ, но самъ Альфонсъ Ралле и его преемникъ Бодринъ нажили милліоны и укатили съ ними подъ благословенное небо юга. Теперь эта фирма перешла въ третьи руки, и г. Дютфуа, теперешній владѣлецъ фабрики Альфонса Ралле, также наживетъ милліоны. А какъ вы думаете, когда сбудется это сладкое предположеніе: уѣдетъ онъ отъ насъ, или нѣтъ? Отчего же и не уѣхать? Не вѣчно же въ самомъ дѣлѣ наживать деньги! Вообще надо помнить, что съ деньгами уѣзжать очень пріятно. Хоть къ папуасамъ Маклая отправляйся, и тамъ съ ними будетъ прекрасно; ибо если папуасы полюбили сердечно такого голяка, какъ Маклай, то съ деньгами и подавно кого хотите полюбятъ. Фиміамы, пожалуй, еще закурятъ передъ носомъ пройдохи. Вонъ Лессепсъ великій человекъ, но и тотъ, говорятъ, любитъ воскуренія. Жаль только, что англичане, вслѣдствіе обмелѣнія Суэцкаго канала, хотятъ возвратиться къ перевозкѣ грузовъ по старой дорогѣ черезъ мысъ Доброй Надежды, ибо пришли къ заключенію, что «поспѣшная доставка

грузовъ не представляетъ никакой выгоды и никакой необходимости для торговли», такъ какъ распродажа товаровъ зависитъ не отъ быстрой доставки, а отъ другихъ причинъ. Вотъ тебѣ и разъ! А мы-то въ простотѣ сердечной до сихъ поръ были убѣждены, что весь успѣхъ промышленности зависитъ именно отъ спѣшной перевозки грузовъ. Правда, на практикѣ случается, что наши желѣзныя дороги перевозятъ товары со скоростью «почты на волахъ». Положимъ, теперь почту на волахъ не везать, но вѣроятно было когда нибудь время, что она и возилась такимъ порядкомъ, ибо, въ противномъ случаѣ, не сложилась бы такая поговорка.

Но да проститъ Аллахъ нашимъ желѣзнодорожникамъ всѣ ихъ грѣхи вольные и невольные, такъ какъ не всегда удобно обвинять человѣка за то, что Господь не далъ ему смекалки. До сихъ поръ наши желѣзнодорожники воображали, что не они существуютъ для народа, а наоборотъ, и потому считали себя вправѣ обирать его всѣми законными и незаконными способами, тяжело отзывающимися на скудной народной мощнѣ, въ которой до появленія желѣзныхъ дорогъ оставалась вся плата за перевозку товаровъ, перешедшая потомъ въ карманы Мекковъ, Дервизовъ, Мамонтовыхъ и тому подобныхъ желѣзнодорожныхъ тузовъ, благодаря которымъ теперь является возможнымъ отправлять товары самымъ безалабернымъ способомъ. Такъ, напримѣръ, вагонъ, нагруженный хлѣбомъ въ Тамбовѣ, провезти въ Москву стоитъ дороже, чѣмъ въ Клинь, хотя послѣдній находится дальше, чѣмъ Москва; купоросное масло изъ Петербурга въ Москву про-

возится по 25^{,42} за пудъ, а отъ Нижняго въ Москву по 62^{,02} съ пуда, хотя Нижегородская линия ж. д. короче Петербургской болѣе чѣмъ на 200 верстъ, и такъ далѣе до безконечности, не говоря уже о произвольныхъ переборахъ съ грузоотправителей, практикуемыхъ на этихъ дорогахъ съ незапамятныхъ временъ. Напримѣръ, вы грузите въ Нижнемъ ящики съ товаромъ одного качества, въ которыхъ вывѣсило 605 пудовъ. Начальство дороги погрузило этотъ товаръ въ одинъ вагонъ, но за провозъ получаетъ по различной разцѣнкѣ: за 600 пудовъ по одному классу, а за 5 пудовъ по другому. Какъ, зачѣмъ и почему это дѣлается — вамъ объяснять не стануть, а взыщутъ деньги да и баста. Примѣровъ такихъ не оберешься, къ нимъ русскій челоуѣкъ привыкъ и не рѣшается возмущаться противъ нихъ. Иное дѣло иностранцы: они народъ ловкій и знаютъ, гдѣ раки зимуютъ.

Послѣднимъ узаконеніемъ о повышеніи пошлинъ на нѣкоторые товары оказывается отечественной промышленности какъ бы нѣкоторое покровительство. Русскіе радуются и весело потираютъ руки; но они забыли, что не тотъ хорошо смѣется, кто захохоталъ первый, а тотъ, кто засмѣется послѣднимъ, или, другими словами, цыплятъ слѣдуетъ считать осенью. Вы думаете, отъ такого повышенія пошлинъ пострадаютъ иноземные производители? Какъ бы не такъ! А стачки на что? Кто имъ, напримѣръ, помѣшаетъ добиться при посредствѣ стачки пониженія провозной платы по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ? Разумѣется — никто, и они добьются этого, благодаря всеобщему кумов-

ству съ желѣзнодорожными воротилами, тѣмъ болѣе что послѣдніе отъ этого ничуть не пострадаютъ, такъ какъ убытокъ отъ сдѣланной уступки они сумѣютъ возмѣстить или съ самой казны, или съ отечественныхъ товаровъ. Какъ это они сдѣлаютъ—мы не знаемъ, но на биржѣ говорятъ, что непременно сдѣлаютъ. Если же и не удастся достигнуть желаемого—подведутъ мины другимъ путемъ. Кому, на примѣръ, неизвѣстно, что иностранные экспедиторы, при оплатѣ товаровъ пошлинами въ нашихъ таможенныхъ, умѣютъ его оплачивать по низкимъ тарифамъ. Фактъ, что ализаринъ, провозимый въ порошокъ, оплачивался пошлиной какъ охра, слишкомъ общеизвѣстенъ, чтобы стоило о немъ распространяться. Таможенное око не всегда можетъ выслѣдить обманъ, который съ нѣкоторыми предосторожностями можно очень долго практиковать. На примѣръ, вы получаете изъ-за границы танинъ, оплачивавшійся до послѣдняго времени высокой пошлиной, считающейся рублями съ пуда: кто мѣшаетъ вамъ оплатить какъ дубильную кислоту только копѣйками? Нескоро догадаются вамъ помѣшать. Мы даже знаемъ такихъ искусниковъ. Оплачивайте только не разомъ всю партію, а такъ бочечки по двѣ, по три за одинъ разъ, чтобы избѣжать риска конфискаціи товара. А такихъ товаровъ, которые по внѣшности своей могутъ казаться однородными—масса. Значитъ, у нашихъ просвѣтителей, славныхъ своею культурою и высокоразвитой промышленностью, всегда есть достаточно средствъ для того, чтобы держать нашу бѣдную промышленность въ рабской зависимости.

Надувка впрочемъ имѣеть свои хорошія стороны; она, по умозаключенію американцевъ, заставляетъ человѣка быть осторожнѣе и умнѣе. Можетъ быть, это для смѣтливаго янки и такъ, но наши просвѣщенные благодѣтели, въ приложеніи этой теоріи къ намъ, руководствуются правилами континентальныхъ мудрецовъ, одинъ изъ которыхъ, хотя и по другому поводу, выразился такъ: «хитрость и надувательство помогаютъ жить половину года, хитрость же и надувательство помогаютъ жить и остальную половину года». Этому правила друзья наши не забываютъ. Только мы, по своей простотѣ, не понимаемъ такихъ умныхъ вещей и потому не пользуемся въ глазахъ нашихъ учителей ни малѣйшею популярностью. Тамъ вонъ, на примѣръ, чья-то политическая мудрость сказала, что война съ нами вещь не важная, что побѣдить насъ всегда есть тысячи средствъ. Стоитъ только наводнить Россію... тѣмъ или другимъ товаромъ. И вотъ гдѣ-то, въ одномъ изъ городовъ нашей обширной Россіи, находятъ фальшивыхъ ассигнацій превосходной англійской работы на сотни тысячъ. Орудіемъ для такихъ благодѣяній избраны сыны Ваала, то бишь—Израиля, которые большіе мастера извлекать выгоды изъ всякаго народнаго бѣдствія. Въ Гроднѣ, на примѣръ, сгорѣли всѣ булочныя, въ хлѣбѣ явился недостатокъ, а Израиль сталъ трехкопѣчную булку продавать по пятнадцати копѣекъ. Вотъ что значитъ быть полезнымъ сыномъ отечества и умѣть дѣлать чистенькое дѣло! И такъ, пришельцу позволительно дѣлать все прекрасное, а русопеду понемножку зазубривать данные уроки, благодаря которымъ насъ

выгоняють со всѣхъ рынковъ, какъ зачумленную скотину.

Да и не мудрено. Плутня не можетъ быть пріятна даже дикарямъ. Выгнали же насъ съ нашими сукнами и мѣдными ковшами съ серебряными ручками изъ Китая; такъ отчего же не выгнать и изъ Персіи, которая теперь наводняется англійскими и даже нѣмецкими товарами? А сказанный милый торговый пріемъ самый наилюбезнѣйшій у нашихъ коммерсантовъ. Вотъ почему, сказали мнѣ въ храмѣ Ваала, и не имѣемъ мы никакого успѣха въ борьбѣ съ другими. Чего, казалось, бы проще ткать полотна и сукна одинаковой ширины и одинаковаго хорошаго достоинства. Такъ нѣтъ—ухитряются же дѣлать одинъ и тотъ-же кусокъ и различной доброты, и различной ширины. А рабское поклоненіе передъ иноземцемъ совсѣмъ сбило насъ съ толку; мы, разиня ротъ, слушаемъ, что скажутъ наши учителя, которые влѣзли къ намъ на шею и съ руками, и ногами. Учителями этими переполнена наша родная земля, и вы встрѣтите ихъ всюду, куда бы судьба васъ ни забросила: въ низовья ли Волги, или въ снѣга Сибири. Всюду они несутъ съ собой плоды своей культуры, доводящей насъ до нищеты. И кто знаетъ: за этимъ ли только они ѣдутъ въ Россію? Не имѣютъ ли они и другихъ какихъ-нибудь порученій? Они вѣдь мастера на всѣ руки: и написать, и нарисовать.

И вотъ мы видимъ, что еще немножко, и насъ опутаетъ съ ногъ до головы чужая сила, чужая воля. А своихъ нѣтъ, какъ нѣтъ, не смотря даже на то, что наши спеціальныя коммерческія училища еже-

годно приготавливаютъ для промышленности цѣлыя толпы молодыхъ людей. Куда же, спрашивается, они дѣваются? Неужели всѣ они поглощаются купеческими конторами для насиживанія мозолей на мягкихъ частяхъ, и ни одного изъ нихъ нѣтъ ни на заводахъ, ни на фабрикахъ, гдѣ бы они изучали практически торговое дѣло? Къ сожалѣнiю, ихъ вездѣ очень мало, и большинство изъ нихъ влачить самое жалкое существованiе, бесполезно обивая пороги конторъ нашихъ и хлопоча о какомъ-либо занятiи. И это тогда, когда въ конторѣ такого коммерсанта служитъ иноземець, поступившiй на службу можетъ быть только затѣмъ, чтобы вывѣдать характеръ торговаго дѣла; а свой человекъ въ то-же время часто съ знанiями языковъ англiйскаго, французскаго, нѣмецкаго топчется у порога богача. По этому поводу я получилъ очень трогательное письмо, въ которомъ рассказывается о печальномъ положенiи русскихъ людей, способномъ взволновать самую черствую душу, но не душу нашего отечественнаго толстосума, которая находится въ какомъ-то летаргическомъ снѣ и не способна разглядѣть язвъ собственнаго организма.

Бѣдняки-труженики русскiе люди, какое слово утѣшенiя можно сказать вамъ при томъ страшно позорномъ самобичеванiи, которому подвергаетъ себя вся наша промышленность, находящаяся въ полной зависимости отъ иностранной!

Я даже не понимаю, какъ при такомъ положенiи вещей можно дерзать возвышать голосъ о свободѣ торговли, когда даже и при существующихъ условiяхъ она еле-еле влачить свое существованiе!

Что-же будетъ, если откажутъ ей въ покровительствѣ? Очевидно, она тогда совсѣмъ погибнетъ менѣе чѣмъ въ двадцать четыре часа. А то толковать о свободѣ торговли тогда, когда у нашей промышленности только что, такъ сказать, прорѣзываются зубы—по меньшей мѣрѣ несправедливо. Но поставьте ее въ равныя условія съ иностранной промышленностью, но пробудите сознание собственного достоинства въ головѣ нашего купца, но заставьте его уважать прежде всего свое родное, любить его и оказывать покровительство своимъ русскимъ людямъ—и тогда толкуйте о какой угодно свободѣ торговли. Теперь же это во всякомъ разѣ—не кстати.

Пять часовъ. Звонокъ. Иноземцы выходятъ изъ храма Ваала: дорогу имъ, господа!

V.

Погода превосходная, солнышко накаливаетъ камни мостовой изо всей силы, жарко до истомы, а толпа поклонниковъ Ваала собралась уже въ заветное святилище и съ наслажденіемъ вдыхаетъ аромат собственныхъ испареній и уличныхъ благоуханій, насыщенныхъ лошадинымъ добромъ. Странно челоуѣкъ устроенъ: ему какъ будто пріятнѣе тамъ, гдѣ больше грязи и духоты!—Говорятъ, успѣхи промышленности, техническихъ и иныхъ знаній движутся впередъ гигантскими шагами. Неправду говорить, иначе условія нашего существованія давно были бы устроены на болѣе разумныхъ основаніяхъ, а не на такихъ, которыя только усугубляютъ стра-

данія. Въ настоящую минуту общеплезныхъ цѣлей почти никто не преслѣдуетъ, но за то каждый заботливо думаетъ о собственномъ благополучіи, о благополучіи собственной утробы, стремясь какъ можно сытнѣе угодить ее, окаянную. Для такихъ утробныхъ натуръ не имѣетъ никакого значенія ни судъ исторіи, ни проклетіе потомства, ни судъ живыхъ: лишь бы имъ было хорошо, а все остальное хоть провались. Отсюда и пристокаетъ то, совершенно нечеловѣческое отношеніе одного человѣка къ другому, вслѣдствіе котораго одинъ смотритъ на другого какъ на врага и готовъ разорвать его на клочки. И развѣ мало мы знаемъ такихъ людей! Вонъ тотъ богачъ, что получилъ многомилліонное наслѣдство отъ своего засаленнаго скряги дядюшки, развѣ многимъ отличается отъ дикаго звѣря? Развѣ онъ не такъ-же рветъ въ клочки свою добычу, попавшую къ нему въ лапы, какъ дикое животное? Разница только та, что одинъ сразу перегрызетъ горло и сожретъ, а этотъ станетъ медленно, капля по каплѣ, вытягивать жилы и насчитывать проценты на проценты за сдѣланное имъ одолженіе впредь до тѣхъ поръ, пока несчастная жертва не будетъ имъ слопана въ чистую. А между тѣмъ сколько бы добра могъ сдѣлать этотъ хищникъ, если бы рѣшился употребить хоть часть своихъ милліоновъ на коммерческія предпріятія, выгодныя въ смыслѣ коммерческомъ и для него и полезныя для страны! Вѣдь онъ одинъ могъ бы устроить желѣзную дорогу на нѣсколько сотъ верстъ. Какъ при такихъ условіяхъ и не развиваться у насъ иностранной предпримчивости! Она безпрепятственно и развивается, пре-

вращая насъ въ вѣчныхъ и неоплатныхъ данниковъ. Если ей будетъ мѣшать покровительственная пошлина, тогда она переберется на русскую территорию, примостившись чуть не на самой границѣ, вмѣстѣ съ иностранными рабочими и станетъ наводнять наши внутренніе рынки своими произведеніями. А между тѣмъ въ то-же время нашъ добрый сосѣдь станетъ выпроваживать отъ себя нашихъ рабочихъ. Русскіе, конечно, не заплатятъ доброму сосѣду тою же монетой, тѣмъ болѣе что «*Kreuz Zeitung*» находитъ, что для насъ нѣтъ разчета поступать такимъ образомъ, какъ потому, что для насъ нужны превосходные рабочіе, въ коихъ мы чувствуемъ недостатокъ, такъ и потому, что эти рабочіе «вносятъ въ Россію культуру», тогда какъ мы имъ ничего такого дать не можемъ. Впрочемъ сама канцлерская «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*» ничего не имѣетъ противъ того, если и вернуться въ свое отечество вѣрные и истинные его сыны, лишь бы Россія въ своихъ экономическихъ и финансовыхъ интересахъ была рабомъ своей сосѣдки. О, милое и дорогое отечество! сколько еще жертвъ суждено тебѣ принести на алтарь храма Ваала, пока ты уразумѣешь необходимость освобожденія себя отъ чужого ярма? Хоть бы что-нибудь ты сдѣлало для того, чтобы предохранить себя отъ совершеннаго разоренія, хоть бы разъ отказалось ты отъ чего-нибудь иноземнаго. Само ты не въ силахъ это сдѣлать; пусть властная рука подниметъ тебѣ сюртучишко и хорошенько вздуетъ. Авось тогда ты увидѣло бы свои раны. О, если бы только могло это случиться! Я тогда съ величайшей готовностью го-

товъ былъ бы исполнить волю этой могучей силы, работая до поту лица. Посмотрѣлъ бы я тогда, какъ бы мнѣ отвѣтилъ какой-нибудь дрянной потомокъ славнаго предка, если бы ему пришлось отвѣтъ держать по поводу покровительства своей промышленности? Я бы поглядѣлъ тогда, какъ бы дерзнула сказать онъ мнѣ, по тому же поводу, что ему придется распустить всѣхъ своихъ рабочихъ? Долго бы ему пришлось послѣ такого отвѣта чесать гоголевскій нижній этажъ; это какъ дважды два, ибо оказывается несомнѣннымъ до очевидности, что намъ нужна еще Петровская дубинка, которая бы научила насъ и умѣнью соображать свои интересы, и согласовать ихъ съ интересами родины. Если же люди не понимаютъ ни того, ни другого, то и спрашивать ихъ объ этомъ бесполезно. Имъ тогда просто надо приказать помнить, что у нихъ кромѣ интересовъ своего брюха есть еще и государственныя обязанности, которыя надо непременно исполнить, такъ какъ того требуетъ польза общественная. Ну, не стыдъ ли, не срамъ ли, что наши бумагопрядильщики до сихъ поръ ничего не предпринимаютъ, чтобы избавить себя отъ иностранныхъ хлопковыхъ плантацій, когда хлопокъ давно бы можно было въ достаточномъ количествѣ развести и у себя? Наши мужики, переселяющіеся изъ густо населенныхъ губерній на Уссури, Амуръ и въ Сибирь, могли бы быть направлены въ тотъ край, гдѣ возможна была бы культура хлопка. Вѣдь это такъ же не трудно, какъ не трудно было научить крестьянъ культурѣ свекловицы, благодаря которой такъ широко развилось у насъ наше сахарное произ-

водство. Тотъ-же результатъ былъ бы въ самомъ непродолжительномъ времени и въ хлопковомъ дѣлѣ. Для достиженія этихъ результатовъ не грѣшно поступиться частичкой тѣхъ милліоновъ, которыми плотно набиты карманы хлопчатобумажниковъ. Въ одиночку не можете этого устроить, сдѣлайте въ складчину. Почтенно будетъ имя того человѣка, который первый начнетъ это дѣло, и оно во вѣки не забудется. Первому поселку, который будетъ устроенъ съ этою цѣлію на Кавказѣ ли, въ Туркестанѣ ли, пусть будетъ дано имя того лица, кто первый его устроитъ: Морозовъ, Мальцовъ, Горбовъ или другой кто. Сильные капиталами, обращаю на это ваше милостивое вниманіе!

Придите, господа, въ деревню, укажите мужику на незамѣченный источникъ богатства, научите его пользоваться имъ на благо дорогого отечества и ваше благо въ частности: этимъ вы совершите дѣло, достойное умнаго человѣка. Если вы сдѣлаете это, я готовъ публично, хоть даже въ храмѣ Ваала, поклониться вамъ до земли и благословить тотъ день, въ который начнется освобожденіе русской промышленности отъ иностранной зависимости. Поймите, господа, что у насъ для этого есть всѣ средства: и поля, и луга, и долины, тогда какъ такихъ условій наши сосѣди не имѣютъ. Поэтому-то они и принимаютъ всѣ мѣры къ нашему разоренію, чтобы потомъ вѣчно держать насъ въ черномъ тѣлѣ, и, кажется, кой въ чемъ успѣваютъ. Не пора ли проснуться и намъ? Но, ради Господа, дѣйствуйте сами за свой страхъ безъ иноземныхъ помощниковъ: найдутся для всего способныя руки. И такъ, обра-

батывайте почву, сѣйте хлѣбъ, разводите чай, хлопокъ, прокладывайте желѣзныя дороги, строя ихъ безъ всякихъ дорогостоящихъ инженерскихъ ухищреній, просто по-американски, лишь бы можно было дешево возить по нимъ и людей, и грузы. Постройка желѣзныхъ дорогъ по степнымъ равнинамъ недорого стоитъ; не тратьте много и на подвижной составъ—пусть онъ будетъ устроенъ прочно, но безъ щегольства; вмѣсто шикарныхъ станціонныхъ зданій постройте на первый разъ простые сараи; въ степяхъ и они удовлетворяютъ цѣли, лишь бы все было дешево. Послѣ, когда разбогатѣете, можно выстроить хоть кристалльные дворцы, но въ началѣ все должно быть просто. А когда все это вы устроите, и у васъ, и у народа будетъ все, что только необходимо добрымъ людямъ. А то мы въ настоящее время только и дѣлаемъ, что грабимъ свою родную землю, свой родной народъ и все такимъ образомъ награбленное веземъ въ Египеть, Америку, Европу. Кажется, у насъ нѣтъ дѣла, въ которомъ не проглядывало бы этихъ хищническихъ элементовъ, точно мы всѣ сговаривались разграбить родную землю до крайней степени. Ее грабятъ даже и такія учрежденія, какъ страховыя общества, ежегодно выплачивая отъ 13 до 15 милліоновъ народныхъ сбереженій за перестраховки въ иностранныхъ страховыхъ обществахъ, точно весь міръ въ стачкѣ съ цѣлію расхищенія русскимъ трудомъ и потомъ нажитыхъ копѣекъ. Съ насъ, кажется, лѣнивый только ничего не беретъ. Ужъ на что, кажется, китайцы народъ несаहितельный, и тѣ ничего отъ насъ брать не хотятъ, кромѣ денегъ, чему впрочемъ въ значи-

тельной мѣрѣ помогаютъ иностранные комиссіонеры, покупающіе въ Китаѣ чай для русскихъ торговыхъ домовъ. Въ 1884 г. изъ Ханькоу чая было вывезено 1.057.425 полуящиковъ для Россіи, Америки и Европы. А такъ какъ извѣстно, что Россія истребляетъ чуть ли не половину всего вывозимаго изъ Китая чая, то и казалось бы, что русскіе комиссіонеры должны были выслать намъ до 500 тысячъ полуящиковъ, а между тѣмъ Пятковъ, Молчановъ и К^о купилъ 145.238 полуящиковъ; Токмаковъ, Молотковъ и К^о 96.650 полуящиковъ, А. Л. Родіоновъ и К^о 46.928 полуящиковъ, а всего 288.816 полуящиковъ. Остальной же чай въ количествѣ 768.608 полуящиковъ купили иностранные комиссіонеры, настию для Америки и Европы, а главнымъ образомъ опять таки для русскихъ. Общій вывозъ чая изъ одного только Ханькоу простирается до 62 милліоновъ англійскихъ фунтовъ. Черезъ Одессу ввезено въ Россію 7.351.843 русскихъ фунта. Значитъ, какое же еще громадное количество чая ввозится къ намъ другими путями, при посредствѣ иностранныхъ торговыхъ домовъ, которые, понятное дѣло, на свою руку охулки не положить! Чѣмъ-же мы за все это расплачиваемся съ иноземцами? Вѣдь они отъ насъ ничего не берутъ кромѣ золота, серебра, да кое-какого сырья! А между тѣмъ они везутъ къ намъ свои товары, везутъ и везутъ...

Господи! Въ какомъ ужасномъ положеніи находится наша отечественная промышленность, а у насъ находятся еще люди, которые за покровительство ей стращаютъ насъ тысячами голодныхъ ртовъ! Какъ это имъ не совѣстно, какъ стыда

нѣтъ у такихъ людей, которые защищаютъ такое разорительное положеніе вещей! Нѣтъ, не то нужно моей дорогой отчизнѣ. Ей необходима полная самостоятельность и широкое развитіе своихъ, Богомъ данныхъ, даровъ, а не лакейство передъ иностранными хапугами. О, какое дивное счастье, если бы хотя когда-нибудь, на ограбленной и обездоленной родинѣ, мнѣ довелось встрѣчаться на всѣхъ поприщахъ жизни только съ русскими людьми, которые бы и каналы рыли, и дороги строили, и углублялись въ нѣдра земли за добычей ископаемыхъ сокровищъ, которыми такъ щедро насъ надѣлила природа! Но, къ сожалѣнію, надо много посторонней энергіи, чтобы разшевелить русскаго медвѣдя, чтобы онъ тогда взбороздилъ лицо родной земли и началъ новую жизнь.

А все-таки: «какіе тузы живутъ въ Москвѣ и умираютъ!»

Г. И. Хлудовъ, господа, умеръ, оставивъ своимъ наслѣдникамъ 16 милліоновъ рублей. Хлудова знала вся Москва. Онъ умеръ такъ-же, какъ умираютъ и всѣ. Одинъ газетный вѣстовщикъ сообщаетъ, что это былъ человекъ положительный, зря денегъ не тратилъ и не пускался ни на какія рискованныя предпріятія. Слѣдовательно, онъ дѣлалъ только то, что наживалъ, наживалъ и наживалъ. Ну и что-жъ? Наслѣдники обернули что-ли его въ листы какихъ-нибудь цѣнныхъ бумагъ, которые онъ съ такою заботливостью сберегалъ въ несгораемыхъ шкафахъ? Разумѣется, нѣтъ: схоронили его такъ же, какъ и всякаго смертнаго. А вѣдь онъ при своемъ колоссальномъ богатствѣ могъ бы осушить не одну ты-

сячу слезъ бѣдняковъ, давящихся своей нищетой. Ну, что ему стоило устроить счастье хоть тысячи душъ безземельныхъ крестьянъ, купивъ имъ и землю, и весь хозяйственный инвентарь! Милліонъ, два, три, истраченные на такое дѣло, мало бы для него значили, а между тѣмъ прошли бы цѣлые вѣка и имя его вспоминалось бы съ благословеніемъ потомками облагодѣтельствованной имъ нищеты. Мало того, они могли бы дѣлать какое-нибудь дѣло исключительно въ интересахъ своего благодѣтеля: ну, хоть развести хлопковыя плантаціи для его фабрики. Такое благодѣяніе могло бы быть сдѣлано даже въ видѣ займа и, слѣдовательно, безъ ущерба тѣмъ милліонамъ, которые все равно пришлось же оставить. Не домкнулъ этого покойникъ, миръ праху его! Но хоть бы живые-то намотали себѣ на усъ наши добрыя пожеланія и торопились дѣлать хорошія дѣла при жизни, а не послѣ того какъ отправятся въ область вѣчнаго забвенія, а не занимались пустячными дѣлами на манеръ постройки театровъ, для которыхъ всегда найдутся свои охочіи Лентовскіе, Александровы и тому подобные представители искусства, умѣющіе угождать разслабленнымъ вкусамъ современнаго человѣчества, для котораго уже слишкомъ довольно голыхъ ногъ и плечъ, и скандальныхъ пѣсень, предлагаемыхъ въ изобиліи. «Цвѣты, цвѣты, все цвѣты: ужъ слишкомъ много цвѣтовъ», говоритъ одинъ изъ нашихъ же геросвъ; а Бсранже, обращаясь къ вамъ, поетъ слѣдующее:

«Богатые, раздолья мѣру знайте,
 Чтобы не забыть свой долгъ въ парахъ вина,
 По рюмочкѣ, по рюмочкѣ глотайте!»

Но не больше, какъ по рюмочкѣ, чтобы не наплодить слишкомъ много поклонниковъ Киприды, которыми міръ и безъ того переполненъ.

Вотъ тутъ и толкуйте о просвѣщеніи народа, о распространеніи знаній, когда во главѣ его стоятъ господа, отрещивающіеся отъ всякаго свѣта. Видно, въ потемкахъ лучше жить!

Въ биржевой залѣ курить не дозволяется, коммерсанты выходятъ и закуриваютъ оміамъ Ваалу, который точно изъ печной трубы клубами несется въ безпредѣльную высь голубого неба. Курильщики затягиваются табачнымъ дымкомъ, строя сладенькія гримаски, и величественно сходятъ по грязнымъ ступенькамъ Ваалова капища на пыльную мостовую.—Прошу, господа, не обижаться! «Бизлеръ алчахъ адамызь севейрызь керчети», говоритъ восточный человѣкъ въ такихъ случаяхъ, что по нашему будетъ значить слѣдующее: «мы люди простые и любимъ правду».

VI.

Крестьянинъ Кротковъ, желая умереть, бросился съ Бабьегородской плотины; маленькій чиновничекъ, Александръ Ильинскій, застрѣлился изъ револьвера и умеръ. Но тотъ и другой причину смерти объяснили одинаково; Ильинскій написалъ на паспортѣ: «умираю оттого, что не имѣю ни куска хлѣба, ни пристанища»; Кротковъ сказалъ, что «рѣшился на самоубійство въ крайней нуждѣ, не имѣя ни средствъ къ жизни, ни работы». Это плоды

культуры! Возмущаетесь вы ими, жрецы Ваала? Нѣтъ? Вы, можетъ быть, находите, что это для экономіи природы ровно ничего не значить, что отправившіеся преждевременно въ Гартмановскую область вѣчнаго блаженства даже и не вспомнили васъ и не послали по вашему адресу ни одного изъ тѣхъ жгучихъ негодованій, которыя въ минуту отчаянія срываются съ устъ человѣка? Можетъ быть, вы думаете, что они умирая шептали слова всепрощенія за то зло, которое принесла имъ ихъ горькая короткая жизнь? Э, да стоитъ ли объ этомъ толковать: мало ли безумцевъ на свѣтѣ! Да для живущихъ и не важно, что о нихъ думали несчастливцы... Давайте лучше вести бесѣду о положеніи рынка, о количествѣ кофе, чаю, сахару, шерсти, находящихся въ томъ или другомъ городѣ, о томъ, что дѣлается въ Индіи, Америкѣ, Англійи. Будемъ толковать о господствѣ труда, который имѣетъ для жизни такое важное значеніе, о свободѣ торговли и промышленности, которая такъ любезна сердцу иноземца, давно готовому захватить весь міръ въ свои руки и создать изъ своего отечества грандіозную фабрику, которая бы удовлетворила всѣмъ нашимъ нуждамъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вамъ, люди Русскіе, заводить свои фабрики, свои заводы, свои корабли, когда и то, и другое, и третье давно уже имѣется въ изобиліи у вашихъ сосѣдей? Ничего вамъ не нужно: все вамъ доставятъ, все привезутъ... Наслаждайтесь, господа, пейте, ѣшьте, веселитесь... Зачѣмъ вамъ свои бумагопрядильни? Иноземцы и Шейблеръ изъ Лодзи удовлетворятъ всѣмъ вашимъ потребностямъ: и частнымъ, и казеннымъ. Вы вонъ ведете дѣло

въ убытокъ, а у ловкихъ людей дѣло идетъ иначе. Вонъ Коншинъ по счету за истекшій операціонный годъ не нажилъ ни одного обела, а у Шейблера получилось чистаго барыша болѣе 700 тысячъ. Не ясно ли, что вы не умѣете вести дѣлъ и вамъ ничего не надо! Зачѣмъ вамъ свои корабли, пароходы? Кнопъ привезетъ вамъ чай на заморскомъ пароходѣ «Мессалія», а денжки за провозъ, да и за все прочее сумѣетъ получить съ васъ по существующему курсу и иностранный негоціантъ. Ничего вамъ не нужно. Вонъ въ Лодзи вновь устраивается одиннадцать фабрикъ: одна изъ коихъ шелковая, а одна такъ даже для фабрикаціи парижскихъ игрушекъ. Очевидно, для забавы нашимъ избалованнымъ ребятишкамъ надо и игрушки иноземнаго производства. Ей же ей, ничего вамъ не надо! Даже начальство Константинополя догадалось объ этомъ и распорядилось на время, конечно, лишить васъ своихъ плодовъ, тѣмъ болѣе что усиленный ихъ экспортъ сильно возвышаетъ цѣну на мѣстѣ. Милые соотечественники, вы совсѣмъ торговать не умѣете и не сегодня-завтра растеряете всѣхъ вашихъ покупателей: ихъ переманять у васъ ваши же благодѣтели, втершіеся къ вамъ съ своими капиталами, то какъ компаніоны, то какъ кредиторы и администраторы. Вотъ еще чуть не вчера устроилась администрація по дѣламъ одного русскаго торговаго дома, а его покупатели уже перешли отъ него къ одному изъ членовъ администраціи изъ пріѣзжихъ благодѣтелей. На то онъ и членъ, чтобы высмотрѣть хорошаго покупателя и переманить его къ себѣ, благо и мудрить тутъ не надъ чѣмъ. Стоитъ только адми-

нистраціи отказать въ кредитѣ хорошему человѣку, а затѣмъ послать къ нему своего агента въ номеръ гостиницы и предложить таковой лично отъ себя, даже съ увеличеніемъ его размѣра, такъ какъ администрація ему ужь довѣрять не будетъ, а торговое дѣло безъ кредита вести невозможно.

А фабриканты наши между тѣмъ еще чванятся и пускаются въ различные подходы по поводу ночныхъ работъ. Гдѣ ужь имъ придумать что-нибудь штукмейстерское! Знали бы ужь свое мѣсто и возили воду на воеводу. Вы вѣдь народъ простой и съ вами что хотите можно сдѣлать. Вамъ даже не трудно доказать полезность свободной торговли; стоитъ только по поводу этого наговорить вамъ десятка два жалкихъ словъ и увѣрить, что благодаря отсутствію свободы торговли мы несемъ огромные убытки, размѣръ которыхъ простирается до невѣроятнаго количества миллиардовъ, на которые «можно было бы покрыть всю Россію школами, устроить порты, привести въ порядокъ водяныя сообщенія, проложить тысячи верстъ новыхъ каналовъ, провести десятки тысячъ верстъ шоссированныхъ дорогъ, снабдить страну самою частою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, осушить болота, оросить безводныя степи, раскинуть по всей странѣ сельскіе банки, и т. п.» И все это сдѣлалось бы точно по мановенію волшебнаго жезла тотчасъ, какъ бы только освободилась наша обрабатывающая промышленность отъ покровительства. Жаль только, что горячій поклонникъ свободы торговли не объяснилъ, изъ какихъ источниковъ мы расплатились бы за всѣ эти благодѣянія, какъ велики эти источники, и какимъ

бы путемъ, если бы эти даже и находились въ карманахъ потребителя, онъ бы выбралъ ихъ оттуда на осуществленіе своихъ благихъ предначертаній, перечисленныхъ имъ съ такимъ трескомъ. А вѣдь это вещь немаловажная, тѣмъ болѣе что всѣмъ и каждому извѣстно, что при существованіи своей промышленности у насъ хоть что-нибудь да есть; есть хоть толстосумый Разуваевъ, съ которымъ при случаѣ и справиться можно, и мошну его пощупать; есть хотя какія-нибудь свои фабрики, заводы; есть хоть какое-нибудь умѣнье справиться съ ними; есть возможность наживать деньги фабриканту, имѣть кусокъ хлѣба нашему мужику, приладившѣмуся къ фабричному дѣлу; есть хотя и отдѣльная возможность выбиться тому-же мужику изъ иностраннаго ярма. Топните только, прикрикните на него и скажите ему: «Я тебѣ, неумытое твое рыло, вспишу ижицу, если ты не сдѣлаешь того-то и того-то! Эй, сибирскій мельникъ, иди сюда каналы рыть! Эй, тульскій кузнецъ, рой тутъ землю и добывай желѣзо, мѣдь, золото! Эй, серпуховской ткачъ, ступай туда, сѣй хлопокъ для своей бумагопрядильни, разводи ленъ, тки, пряди! Эй ты, да ты, смотрите у меня поворачивайтесь, а то я задамъ вамъ жару!» Вотъ что нужно сказать русскому человѣку и сказать энергически, по Петровски, для того, чтобы онъ могъ освободиться отъ промышленной неволи, а не пѣть ему Лазаря въ интересахъ иноземца и притомъ за русскія деньги, полученныя изъ того-же русскаго кармана, изъ котораго такъ охотно черпаютъ и враги, и друзья.— Неужели минувшій двухвѣковой опытъ не научилъ еще насъ ничему, и мы нуждаемся еще

въ урокахъ? Вѣдь кажется насъ не только выучили, а проучили надлежащимъ образомъ. Доброжелатели наши! Развѣ мало вамъ, что люди, полные силъ и здоровья, топятся, давятся, стрѣляются изъ-за того только, что роковой вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба, котораго у нихъ нѣтъ, стоитъ столбомъ передъ ихъ голоднымъ брюхомъ, для котораго всѣ ваши красныя слова о каналахъ, дорогахъ, болотахъ, не больше какъ предсмертный кличъ.

Мы глупы, мы невѣжественны: такъ учите насъ; мы гадко работаемъ теперь, но въ будущемъ мы лучше научимся дѣлать. Мы и теперь кое-что недурно умѣемъ дѣлать. Крупповскія пушки одолжены своимъ бытіемъ русскимъ артиллеристамъ; весь міръ трепещетъ передъ грознымъ значеніемъ этихъ пушекъ, а между тѣмъ мы не знаемъ даже именъ отечественныхъ геніевъ. Да и въ этой ли только области сдѣланы нами открытія? Къ сожалѣнію, они недостаточно оцѣнены нами. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы не поняли наконецъ уроковъ исторіи, въ которыхъ русскія имена, какъ путеводныя звѣзды, указываютъ вамъ дорогу къ спасенію земли отъ чужеземнаго ига. Сосѣди наши давно поняли, въ чемъ таится спасеніе отечества. Бисмарки, Гамбетты, Салисбюри даже даютъ вамъ полезныя уроки; дайте же возможность воспользоваться этими уроками и намъ, растолкуйте ихъ полезное значеніе. Не забудьте, что голоднос брюхо къ ученю глухо. Это по нашему, а по-англійски будетъ такъ»: безъ богатства нѣтъ досуга, безъ досуга нѣтъ знаній». Такъ сдѣлайте же насъ богатыми, заставьте, прикажите разбогатѣть, призовите къ себѣ

всѣхъ нашихъ бородачей толстосумовъ и тѣхъ, которые что-нибудь дѣлають, и тѣхъ, которые только бездѣльничаютъ, скажите имъ, что они должны дѣлать, пригрозите выдрать имъ полбороды, коли они не захотятъ послушаться васъ, и вы увидите, что Россію и въ десять лѣтъ нельзя будетъ узнать: такъ она шагнетъ впередъ. Русскій вѣдь умѣетъ работать, помогите ему только, а не пригнетайте тамъ, гдѣ надо. Онъ тогда создастъ для себя все необходимое и школы, и каналы, и дороги, о которыхъ такъ бесплодно тоскуютъ теперь всѣ поклонники свободной торговли и безъ которыхъ мы, можетъ быть, можемъ обойтись на первое время. Самодѣльная рубаха, зипунъ и лапти для насъ, можетъ быть, пріятнѣе были бы всѣхъ вашихъ цивилизаторскихъ благъ, даваемыхъ вашей излюбленной свободной торговлей; но если и не такъ, то во всякомъ случаѣ дешевле, а это при настоящихъ условіяхъ вещь не послѣдняя для нашего голоднаго брюха. Поэтому будьте милостивы, ужъ позвольте намъ обходиться собственнымъ добромъ и жить своимъ умомъ, авось у насъ тогда останется хоть что-нибудь. А то теперь «всякій Иванъ глядитъ лишь въ свой карманъ» и норовитъ ободрать своего ближняго самыми наипатентованныѣйшими пріемами различныхъ научныхъ яко-бы теорій. Оставьте, господа, хоть сколько-нибудь нашего—намъ...

Ну, а съ тѣми, которые не имѣютъ ни работы, ни куска хлѣба, надо же что-нибудь сдѣлать! Пошлите-ка ихъ всѣхъ въ Закавказскій край и дайте имъ средства заняться сельскимъ хозяйствомъ, посѣвами чая, хлопка и т. п. Такимъ образомъ вы

многихъ спасете отъ нужды. Въ землѣ и въ гармоническомъ развитіи всѣхъ промышленныхъ нашихъ собственныхъ, отечественныхъ силъ—все наше спасеніе. И неужели вы не понимаете счастья работать собственно на себя, а не на алчнаго, голоднаго и хищнаго иноземца? Дорогие гости, живущіе у насъ и кушать изволящіе нашъ хлѣбъ, хоть бы вы въ складчину сдѣлали что-нибудь для обездоленнаго люда, на счетъ котораго вы нажили такъ много благъ земныхъ! Впрочемъ я не во время обратился къ нимъ съ моею рѣчью, потому что всѣ они вмѣстѣ съ русскими саврасами отправляются на скачки заняться общеполезной игрой «на тотализаторѣ», вывезенномъ къ намъ изъ-моря какимъ-то промотавшимся лошадиникомъ. Благодаря тотализатору, дѣла скакового и бѣговаго обществъ находятся въ самомъ блестящемъ положеніи. Торгуютъ безъ убытка, но народъ сталъ бѣднѣе на всю ту сумму, какую выманили у него эти общества. А еще говорятъ—у насъ денегъ нѣтъ! На бездѣлье, на игру находятся вѣдь, только на дѣло нѣтъ. Приказать надо, приказать властною рукой: найдутся; а безъ того, повторяю, мы ничего не сдѣлаемъ, а скорѣе пойдемъ смотрѣть какую-нибудь чертовщину, вывезенную для забавы нашихъ бородатыхъ ребятъ услужливымъ Лентовскимъ.

На биржу принесли объявленіе о возобновленіи изданія одной газеты, въ которомъ заявляется, что «газета измѣнится и по своей формѣ, и въ своемъ содержаніи; и въ томъ, и въ другомъ отношеніи она постарается приблизиться къ требованіямъ публики... будетъ усиленъ отдѣлъ беллетристической и вообще легкаго чтенія». Я правъ былъ, когда го-

вориль, что нынче не покупатель ищетъ товара, а товаръ бѣгаетъ за покупателемъ; а такъ какъ произведеніе печати есть тоже своего рода товаръ, то вотъ мы видимъ, что тотъ сортъ его, который до сихъ поръ предлагался издателямъ приостановленной газеты, не идетъ съ рукъ, что покупатель не нуждается въ немъ и—дѣлать нечего—приходится перемѣнить основу. Поэтъ начинаетъ писать стихи на мотивы «тру-ля-ля», чтобы угодить «требованіямъ публики» и создать себѣ карьеру; обыкновенный смертный начинаетъ дѣлать то-же самое, прислушаться къ эху и кричать вмѣстѣ со всѣми. А всѣ вообще неприличными жестами хотять достигнуть цѣли. Посмотримъ, что изъ того выйдетъ?

VII.

Господи, какая жара, точно въ Марокко! Въ воздухѣ духота невообразимая, все—отъ человѣка до животнаго—еле движется и лѣниво позѣвываетъ. Даже зайцевъ и маклеровъ на биржѣ значительно меньше, чѣмъ въ обычное время, да и тѣ, которые пришли туда, прячутся въ холодильникъ. Ужъ на что низшій сортъ коммерческихъ агентовъ, вѣчно толкуційся передъ портикомъ Ваалова капища, народъ приученный ко всѣмъ житейскимъ невздамъ, но и тотъ не выдержалъ палящихъ лучей лѣтняго солнышка, ушелъ на тротуаръ Лаврской гостиницы. Фу, да какая пропасть этихъ лаксеевъ промышленности! Но потерпите, господа, и на вашей улицѣ будетъ праздникъ, и ваши тяжелыя испытанія окончатся, хотя и придется разъ сотню вспотѣть прежде,

чѣмъ вы успѣете стряхнуть съ своихъ плечъ суровую долю и выбратъся на широкій и гладкій путь жизненныхъ удобствъ. Но, къ сожалѣнію, все-таки своихъ цѣлей не достигнете, потому что дѣйствуете въ одиночку, тогда какъ члены знаменитаго братаства дѣйствовали раньше, да и теперь дѣйствуютъ скопомъ. Я склоненъ думать, что всѣ успѣхи промышленности и торговли достаются въ удѣлъ именно тѣмъ изъ смертныхъ, въ характерѣ которыхъ всего болѣе іезуитскаго безсердечія. У кого есть такое качество, за того можно смѣло поручиться, что онъ быстро пойдетъ по пути наживы. Для такого человека безразлично, въ какой части свѣта онъ достигнетъ завѣтной мечты. Онъ одинаково пріятно будетъ чувствовать себя и подъ арктическимъ полюсомъ и подъ экваторомъ; онъ не побоится переплыть Атлантическій океанъ и забратъся въ тущобы Хинганскаго хребта, или въ среду дикарей южнаго полушарія, всегда готовыхъ сдѣлать изъ блага человека жаркое; онъ готовъ подвергнуться всѣмъ случайностямъ волчьей жизни, лишь бы цѣль была достигнута. А нѣтъ, такъ и то для такого человека не бѣда: все равно вѣдь придется же умереть...

Настойчивость, упорство въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, это тѣ изъ необходимыхъ качествъ, при помощи которыхъ люди выбиваются изъ нужды. Этими качествами въ большей или меньшей степени обладаютъ почти всѣ герои биржи. Но каждый изъ нихъ плаваетъ по своему. Вонъ тотъ, что сще недавно гранилъ московскую мостовую, теперь уже въ полномъ значеніи этого слова иностранный негодіантъ, черезъ котораго вы мо-

жете выписать все, что вамъ угодно и еще пройдетъ немного времени и толпа будетъ дивиться его способностямъ, его генію, суть котораго будетъ находиться въ боковомъ карманѣ его моднаго пиджака. Я каждый день съ точностью мозеровскихъ часовъ встрѣчаю одного изъ такихъ господчиковъ, который всегда и непремѣнно что-нибудь тащить. Ручаюсь, что и у этого есть будущность и что и для него настанетъ такое время, когда онъ займетъ на жизненномъ пирѣ подобающее ему мѣсто. Теперь же эти люди только посредники и биржевые зайцы, надъ которыми ихъ же собратья по ремеслу часто зло смѣются.

Вы у кого покупаете, господа, деревянное масло? Вѣроятно у Крафта или преемника Понфикъ, потому что всѣ другіе торгуютъ имъ только по мелочи, а эти оптомъ. А кстати вопросъ: зачѣмъ оно намъ? Неужели его нельзя замѣнить какимъ-нибудь своимъ, на примѣръ, подсолнечнымъ: вѣдь все равно подмѣшиваютъ же его къ деревянному и притомъ въ значительныхъ количествахъ? Я такъ думаю, что его не только можно замѣнить, но даже и слѣдуетъ, потому что то масло, которое вы приготовите у себя дома, навѣрное будетъ гораздо чище оливковаго, приготовленнаго зачастую руками язычниковъ. Гдѣ-же преимущество, чтобы стоило употреблять его для религіозныхъ цѣлей? А между тѣмъ какія огромныя деньги тратятся Россіей на покупку деревяннаго масла! Было бы не бесполезно обслѣдовать этотъ вопросъ, кому слѣдуетъ, и объяснить его истинное значеніе, и если бы, благодаря этому изслѣдованію, Россія избавилась отъ бесполезнаго расхода на по-

купку этого продукта—вѣдь это своего рода заслуга передъ Богомъ и отечествомъ. Маслобойни, на которыхъ приготовлялось бы масло для религіозныхъ цѣлей, наше духовенство могло бы даже монополизировать, какъ оно, по мѣстамъ, монополизировало торговлю восковыми свѣчами. Чуеться, что въ этомъ не было бы ни малѣйшаго грѣха. Что-же касается до заслуги передъ обществомъ—то она была бы несомнѣнной, ибо всякое сбереженіе, сдѣланное нами, какъ бы оно мало ни было, кромѣ пользы ничего не принесеть.

А то мы только и дѣлаемъ, что переплачиваемъ. Но такіе расходы, какъ стомилліонная дань, выплачиваемая нашей хлопчатобумажной промышленностью на приобрѣтеніе иностраннаго хлопка, способна взволновать самое черствое сердце, тогда какъ добытые нашими милліардами и кровью Кавказъ, Средняя Азія и Закаспійскій край, способные къ культурѣ хлопка, пустуютъ, не принося нашему отечеству ни малѣйшей пользы, единственно вслѣдствіе совершеннаго непониманія отечественныхъ интересовъ нашими хлопчатобумажными фабрикантами вмѣстѣ съ Кнопомъ во главѣ ихъ. И вотъ въ силу этихъ условій огромная часть нашей обрабатывающей промышленности находится въ ежовыхъ рукавицахъ, противъ которыхъ мы даже протестовать не рѣшаемся. Мало того, мы сами же являемся защитниками такого разорительнаго хозяйничанья, утверждая, что эта промышленность безъ иностраннаго хлопка существовать не можетъ. Еще бы могла въ рукахъ такихъ близорукихъ людей, которыхъ дальновидные и предусмотрительные люди

въ чемъ угодно увѣрять. Припомнимъ маленькую поучительную историческую справку. Въ началѣ текущаго столѣтія у насъ былъ порядочный торговый флотъ, на которомъ мы могли тогда свободно перевозить весь свой зерновой хлѣбъ. Англичанамъ это не нравилось; они стали перевозить хлѣбъ по такой низкой цѣнѣ, за которую перевозка зерна на нашихъ судахъ сдѣлалась совершенно невозможной. Мы удивлялись этимъ удивительнымъ условіямъ мореплаванія и поняли его причину только тогда, когда нашъ торговый флотъ сгнилъ, а наши судовозяева разорились. Оказалось, что англійское правительство вознаграждало своихъ лоцмановъ за пониженный фрахтъ на доставку зерноваго хлѣба изъ русскихъ портовъ до тѣхъ поръ, пока совершенно была устранена конкуренція и провозную плату можно было возвысить до нормальныхъ размѣровъ.

И кто знаетъ, какія цѣли преслѣдуются въ настоящее время тѣми англійскими милліонами, которыми такъ щедро ссужаются русскіе фабриканты? Очень можетъ случиться, что и здѣсь таятся какіе нибудь отдаленные виды. Въ томъ, что намъ уже успѣли внушить недовѣріе къ качеству хлопка собственныхъ плантацій, уже примѣчаются эти отдаленныя цѣли. Потомъ слѣдуетъ отбить охоту къ попыткамъ культуры хлопка, а затѣмъ постояннымъ финансовымъ истощеніемъ довести до нищеты и наконецъ закабалить насъ на вѣчныя времена, превративъ въ неоплатныхъ должниковъ. Но это ли намъ желательно? Если и слѣдуетъ поддержать чью либо промышленность, такъ свою; если и слѣдуетъ

выручить кого-нибудь изъ нужды, такъ своего; если и ссудить кого-нибудь деньгами, такъ собственныхъ фабрикантовъ, для того чтобы дать имъ возможность освободить себя отъ чужой зависимости и заняться разработкой своихъ отечественныхъ произведеній, если только мы желаемъ добра своему народу и своей родинѣ.

На биржѣ намъ серьезно возражали, что если русскіе обратятся къ обработкѣ своего отечественнаго хлопка, то качество нашихъ бумажныхъ издѣлій будетъ значительно ниже иностранныхъ. Что-жъ изъ того слѣдуетъ? Мы только будемъ носить похуже свои ситцы—и только. Да и дѣйствительно ли хуже? Это еще вопросъ, ибо мы совершенно не можемъ ручаться, что успѣхи культуры хлопка останутся именно на той ступени, на которой стоятъ, а не на иной, лучшей. Вѣдь и въ Америкѣ, и въ Египтѣ не сразу научились производить именно тѣ сорта, какіе производятъ теперь, но по всей вѣроятности культура ихъ шла по пути усовершенствованій. Гдѣ же доказательство, что и у насъ того-же не послѣдуетъ? Но если даже допустить, что качество произведеній бумажныхъ понизится, такъ и то не бѣда: ну, пусть въ нихъ мылишимся нѣжности и бѣска: мужикъ, главный потребитель бумажныхъ издѣлій, не обидится за это, лишь бы то, что вы дадите ему было попрочнѣе теперешняго тонкаго, нѣжнаго. Сила все-таки не въ этомъ, а въ томъ, что это будетъ свое родное, а не чужое, англійское, американское, египетское. Стомилліонный капиталъ, оставленный дома, отданный мужику, возвращенный своей землѣ, да это такое подспорье нащему разо-

ренному сельскому хозяйству, ради улучшенія коего не грѣшно перенести и кое-какія неспріятности. И такъ, пойдемте по пути сбереженій и развитія собственной, отечественной промышленности, всѣ отъ мала до велика, отъ свѣтскаго до духовнаго и будущее наше будетъ несомнѣнно радостнѣе и свѣтлѣе. Губить же себя ложными теоріями, забывая интересы своего отечества, въ угоду иноземцевъ, не только глупо, но и преступно. Довольно вамъ, фабриканты, разорять русскую землю, пора поработать и для своего народа. Вамъ тогда поможетъ и Богъ, и Царь. Не забывайте, господа, что у нашего батюшки Царя денегъ гораздо больше, чѣмъ у цѣлыхъ тысячъ Кноповъ: надо только дѣлать дѣло исключительно въ интересахъ своего отечества и заслуга не останется безъ награды. Поймите, что васъ никто не щадилъ и щадить не станетъ, если вы сами не позаботитесь о себѣ. Друзей въ промышленности вѣдь не бываетъ, а недруги, кто бы они не были, руки вамъ не протянуть, а лишь будутъ стараться стащить у васъ что-нибудь.

Вопросъ—доведетъ ли такое положеніе вещей до добра—стоитъ ребромъ и не увильнуть вамъ отъ его разрѣшенія. Нашъ курсъ все падаетъ и падаетъ и будетъ падать до тѣхъ поръ, пока вы не выбьетесь изъ промышленной неволи. Вотъ на что слѣдуетъ обратить вниманіе, а не развѣвать ротъ передъ блескомъ и могуществомъ цивилизаціи западныхъ народовъ. Мы въ свое время сравнялись съ ними, помогите только разбогатѣть. И такъ будемъ сами работать и обходиться безъ помощи иностранныхъ хапугъ. А то въ биржевой залѣ мы только и встрѣ-

чаемся съ ними. Что ни шляпа, то дорогой гость, что ни пиджакъ, то любезный другъ, что ни цилиндръ, то товарищъ. Всѣ они одной рукой ласково обнимаютъ васъ, а другой вытаскиваютъ у васъ изъ кармана послѣдніе остатки уцѣлѣвшихъ сбереженій. Стыдитесь, лѣнтяи! Перестаньте служить посмѣшищемъ и для себя, и для другихъ; будьте полновластными распорядителями своихъ судебъ, а не служите игрушкой въ рукахъ ловкихъ пройдохъ. Образумьтесь же наконецъ. Догадайтесь, что у васъ есть и средства, и люди на всякое дѣло, лишь бы была охота. Тысячи ученыхъ и неученыхъ смѣло пойдутъ за вами, а всѣ вы сообща сдѣласте великое дѣло. Иначе, клянусь небомъ, вы пропадете. Поймите, что хорошее само собой къ вамъ не придетъ, но если вы встрепенетесь и дружно возьметесь за работу, тогда цѣль будетъ достигнута, и сосѣди отнесутся къ вамъ съ уваженіемъ и перестанутъ считать Ховроньиной родней.

Страшно жарко, а мостовщики и весь тотъ людъ, который осужденъ на работу подъ палящими лучами солнца изнемогаетъ отъ непосильнаго труда. Вонъ тотъ лысый старикъ, что разбиваетъ камни для мостовой, не только распоясался и разстегнулъ воротъ своей невѣроятно грязной рубашки, но и сбросилъ съ головы свой дрянной картузишко, а ему все же тяжело: потъ струится по его морщинистому лицу. Кожа на лицѣ, рукахъ, шеѣ и лысинѣ истрескалась и похожа на выдѣланную подошву. Я вижу его каждый день за однимъ и тѣмъ же занятіемъ и не могу достаточно надивиться тому желѣзному здоровью, которое помогаетъ ему переносить эту

каторгу. Но вѣдь онъ не одинъ, такихъ тысячи, которыхъ наша Управа наняла для уличныхъ работъ; ихъ я вижу каждый день, но ни разу не видалъ еще ни одного думскаго инженера, ни одного члена Управы. Имъ вѣроятно очень тяжело, и они отдыхаютъ гдѣ-нибудь подъ тѣнью вѣковыхъ сосенъ Сокольнической рощи, чудомъ сохраненной отъ расхищенія. Положеніе ихъ понятно мнѣ, я сочувствую ему и желаю имъ пріятнаго отдохновенія. Но я вотъ чего не могу понять: для какой цѣли такъ отвратительно мостятся улицы Москвы и вѣроятно это стоитъ большихъ денегъ? Мелкіе камни, величиною въ кулакъ, поставленные рядышкомъ на песчаную подстилку, слегка утрамбованные легонькой трамбовкой и обильно засыпанные пескомъ, который на другой же день перетирается колесами экипажей въ мелкую пыль и разносится вѣтромъ,—какая же это мостовая, способная выдерживать ту страшную ѣзду экипажей, которая существуетъ теперь въ Москвѣ? Не оттого ли и покрывается она одинаковыми ухабами, какъ и та, что была вымощена въ прошломъ году? И никому до того дѣла нѣтъ! Замѣчательно, что по этому же способу перемощивается въ настоящее время и кремлевская мостовая. И тамъ такъ же, какъ и всюду, выбираютъ крупные камни старой мостовой, дробятъ ихъ на мелкіе куски и выстилаютъ ими мостовую вновь, обильно засыпая ее пескомъ, который превратившись въ пыль, столбами несется въ открытыя окна Царскаго дворца. Что это такое? Неужели же вы не можете выстлать получше даже дворцовую площадь? Неужели вы думаете, что болѣе совершенный способъ мощенія

обойдется вамъ дороже этого бесполезнаго вѣчнаго ковырянья почвы, какъ это вы дѣлаете теперь? Хоть бы вы кремлевскія-то площади получше выстлали, вѣдь тамъ Царскій дворець! Ну что бы стоило вамъ выстлатъ его правильно вытесаннымъ діоритомъ, котораго у насъ въ Крыму имѣется несмѣтное количество. Этимъ камнемъ такъ прекрасно вымощены улицы Севастополя. Камень этотъ добывается недалеко отъ Симферопольской станціи ж. д. и обрабатывается на мѣстѣ правильными кубиками по одному шаблону. Квадратная сажень такого камня стоитъ какіе-то пустяки, я впрочемъ не знаю точной стоимости. Знаю только, что натесать его, доставить на станцію желѣзной дороги и провезти до Москвы будетъ стоитъ немногимъ дороже того камня, который употребляется въ настоящее время для замощенія улицъ Москвы; но за то мостовая, выстланная діоритовыми плитками, кромѣ своихъ превосходныхъ качествъ и удобствъ для ѣзды, простоитъ многіе годы безъ ремонта. Можетъ быть, послѣднее обстоятельство и невыгодно для занимающихся мощеніемъ улицъ въ смыслѣ заработка, но вѣдь и дѣло не въ этомъ, и забота не о нихъ. Мнѣ, напримеръ, хотѣлось бы, чтобы нашъ Кремль былъ образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы его мостовая была гладкой, какъ паркетъ, безъ ухабовъ и выбоинъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы полотно для этихъ мостовыхъ было хорошо пронивелировано и вѣзды въ Кремль были не затруднительны; мнѣ хотѣлось бы, чтобы мостовыя Кремля порѣже перемацивались и матеріаль, изъ котораго онѣ состояли, не такъ быстро портился и превра-

щался въ пыль какъ теперь; мнѣ хотѣлось бы, чтобы содержаніе хорошей мостовой въ чистотѣ и порядкѣ не дорого обходилось; мнѣ хотѣлось бы, чтобы въ окна Царскаго дворца и капельки пыли не попадало. Словомъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы Кремль содержался вполнѣ изящно, какъ то и подобаетъ Царскому имѣнію. Кремль, господа, надо содержать по Царски, ибо осмотръ Москвы пріѣзжими знатными иностранцами всегда начинается съ Кремля. И такъ, наведемте справки, во что обойдется намъ болѣе совершенная мостовая; спросимъ объ этомъ тѣхъ, кто въ состояніи объяснить намъ это. Спросимъ Севастопольскую Городскую Управу, которая примѣнила этотъ способъ: во что онъ ей обошелся? Спросимъ желѣзныя дороги: сколько онѣ возьмутъ съ насъ за провозъ тесаныхъ плитокъ діорита отъ Симферополя до Москвы? Скажемъ имъ при этомъ, что за провозъ его они должны взять какъ можно дешевле, потому что матеріаль, который повезется ими, пойдетъ для Царской площади, для историческаго Кремля. Не будемъ даже медлить такой перепиской и не станемъ вести ее въ тихомолку многіе годы, а сейчасъ же напишемъ открытыя письма.

Письмо первое:

Въ Севастопольскую Городскую Управу.

Прошу сообщить Московской Городской Управѣ: что стоитъ квадратная сажень мостовой изъ діоритовыхъ плитокъ на подобіе тѣхъ, какими выстланы улицы Севастополя, гдѣ такой камень пріобрѣтался и во что онъ обходился съ доставкой до Симферопольской станціи ж. д.? Сколько пудовъ будетъ въ такой сажени? За это сообщеніе Московская Управа

будетъ очень благодарна; желательно лишь, чтобы сообщеніе это было сдѣлано немедленно, по полученіи настоящаго запроса, такъ какъ Московская Управа предполагаетъ заняться раціональнымъ мощеніемъ улицъ Москвы, начиная съ Кремля, который она разсчитываетъ перемостить прежде всего, потому что тамъ находится Царскій дворець, около котораго желательно было бы имѣть образцовую мостовую.

Второе:

Правленіямъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, лежащихъ на пути отъ Москвы до Симферополя.

Московская Городская Управа, предполагая получать изъ Симферополя тесаный камень для мощенія улицъ, проситъ увѣдомить, во что обойдется провозъ квадратной сажени камня отъ Симферополя до Москвы? (Вѣсъ камня въ одной сажени будетъ приблизительно такой же, какъ въ томъ камнѣ, который доставлялся въ Севастополь). Прошу лишняго не назначать, такъ какъ такого камня потребуется огромное количество и онъ прежде всего будетъ необходимъ для замощенія Царскаго Кремля.

Когда вы получите отвѣты на эти открытыя письма, постарайтесь опубликовать ихъ содержаніе во всеобщее свѣдѣніе, дабы знали цѣну мостовой не одни только думскіе инженеры и другія вѣдомства, но и всѣ обыватели. Практическія же послѣдствія этого будутъ тѣ, что Москва обзавется прекрасными мостовыми, которыя она хотя и будетъ строить по частямъ, такъ какъ на перемощеніе всѣхъ улицъ Москвы за одинъ разъ во-первыхъ и дорого, а во-вторыхъ и невозможно, но за то хорошія мостовыя

не требуютъ ремонта много лѣтъ; а то городское общественное управленіе только и знаетъ, что ремонтируетъ мостовыя и бесполезно затрачиваетъ на эту работу огромныя деньги.

И такъ, господа самоуправители, постарайтесь сдѣлать что-нибудь хоть для Кремля, чтобы избавить Царскіе дворцы и святыни Кремля отъ той массы пыли, которую даютъ ваши отвратительныя мостовыя. Впрочемъ, я, можетъ быть, обращаюсь съ своимъ совѣтомъ не въ то вѣдомство, куда слѣдовало бы; въ такомъ случаѣ да простится мнѣ это ради той благой цѣли, которую я имѣлъ въ виду.

VIII.

Лордъ Салисбюри не доволенъ передвиженіями русскихъ войскъ на берегахъ Герируда и требуетъ болѣе полныхъ объясненій, нежели тѣ, которыя даны до сихъ поръ. Наша биржа отвѣтила ему достойнымъ пониженіемъ курса до 250 сантимовъ. Но весьма возможно, что такое объясненіе сочтено будетъ неудовлетворительнымъ и тогда намъ придется дѣлать новыя уступки и цѣнить нашъ рубль не за шесть гривень, а за полтину. Не обладая даромъ пророчества, я все-таки, не беря грѣха на душу, съ отважной смѣлостью могу утверждать, что мы и до этого дойдемъ. Да и вообще мало ли мы до чего можемъ дойти, когда, забывая свое родное, будемъ беспокоиться только объ интересахъ иностранцевъ, которыхъ мы, не стыдясь добрыхъ людей, не боясь Бога, считаемъ дороже своихъ. Сосѣди

вонъ не церемонятся съ интересами другихъ и преспокойно выгоняють цѣлыми десятками тысячъ тѣхъ иностранцевъ, которые почему либо считаются вредными для страны. Примѣръ достойный и особенно поучительный для тѣхъ русскихъ людей, которые говорятъ, что Россія будучи страной земледѣльческою должна заботиться только о развитіи этой стороны своего хозяйства, оставаясь во всемъ другомъ въ зависимости отъ иностранцевъ, широко развитая конкуренція которыхъ всегда будетъ держать умѣренныя цѣны на произведенія ихъ заводской и фабричной промышленности. Поклонники иноземщины боятся, что при условіи заботъ о собственномъ благополучіи у насъ разбогатѣють на счетъ народа только десятка два или три доморощенныхъ Колупаевыхъ; народъ же будетъ на всю ту сумму бѣднѣе, на которую эти Колупаевы разбогатѣють. Но если и такъ, то почему предпочтительнѣе доморощеннымъ Колупаевымъ—англійскіе, французскіе, нѣмецкіе? Вѣдь, безъ сомнѣнія, кто-же нибудь да обираетъ насъ и кто-же нибудь да разживается на нашъ счетъ? Кто-же? Ужъ конечно тѣ, которые за все, что бы мы у нихъ не купили, берутъ съ насъ вдвое дороже, или за купленное у насъ сырье рассчитываются съ нами вдвое дешевле того, что намъ товаръ стоитъ у себя дома. Вы оцѣниваете вещь въ рубль, а они даютъ вамъ за нее шесть гривенъ; то, что вы покупаете у нихъ, стоитъ шестьдесятъ копѣекъ, а вы должны заплатить рубль. Не безпокойтесь объ интересахъ иностранцевъ надо, а поразмыслить, какъ еще при такихъ тяжелыхъ условіяхъ можетъ существовать наша обрабаты-

вающая промышленность и находить способы для соперничества, для борьбы съ иноземной, которая свои потери такъ щедро вознаграждаетъ помимо всякихъ другихъ сбереженій на безобразной дешевизнѣ нашего курса? Очевидно, что при существующихъ условіяхъ безъ покровительственной пошлины отечественная промышленность не только не возможна, но и не мыслима. Но создайте для насъ хотя приблизительно равныя условія и тогда картина окрасится другимъ цвѣтомъ. Пусть наше сырье иностранцы покупаютъ у насъ по той цѣнѣ, во что мы его оцѣниваемъ, пусть они свой товаръ продаютъ намъ по той цѣнѣ, во что онъ имъ обходится дома. Однимъ словомъ, пусть нашъ рубль будетъ настоящимъ рублемъ, а не тою фиктивною цѣнностію, которою иностранцы помыкаютъ, какъ поношеной тряпкой. Путь для достиженія этого желаннаго результата одинъ: это улучшение нашего торговаго баланса и развитіе собственныхъ промышленныхъ силъ. Надо, значить, устроить такъ, чтобы все, что необходимо для жизни, добывалось и вырабатывалось дома и отнюдь не привозилось извнѣ; надо, чтобы все сдѣланное у себя дома было не дорого и хорошо; тѣхъ, кто стремится къ этой цѣли, награждайте, и наказывайте всѣхъ тѣхъ, кто не дѣлаетъ этого, а только разоряетъ страну, торгуя продуктами иностранной промышленности. Иной купчина всю жизнь только и дѣлаетъ, что переправляетъ за границу русскіе рубли за произведенія иноземной фабрикаціи, рассчитываясь за нихъ по курсу, установленному иноземцами. А многимъ изъ насъ даже и не въ домекъ тѣ способы, при помощи которыхъ

достигаются ими такіе результаты. У нихъ, какъ оказывается, есть и вопросы національные, и вопросы государственные и т. д. Въ силу однихъ они покровительствуютъ отечественной промышленности, защищаютъ ее всѣми способами, въ силу другихъ—заботятся о распространеніи своихъ владѣній. Для нихъ занятіе какой-нибудь важной въ торговомъ или иномъ значеніи гавани или порта Гамильтонъ—совершенный вздоръ. И никто спрашивать ихъ не станетъ о томъ, что они сдѣлали, да они и сами объяснить не сумѣютъ, какъ это они сдѣлали, такъ какъ имъ казалось, что «это было сдѣлано внезапно». Но за то они имѣютъ право не только желать, но и требовать объясненій. И отъ кого же? Отъ Россіи, этого могущественнаго государства, щедро надѣленнаго всѣми дарами природы! Не позоръ ли и не униженіе ли это? Нашъ курсъ, при посредствѣ котораго насъ такъ безсовѣстно грабятъ наши культурные благодѣтели, способенъ привести въ отчаяніе. Россія изъ-за уничтоженія только этого одного зла должна бы употребить страшныя усилія, хотя бы для того пришлось подвергнуться самымъ тягчайшимъ испытаніямъ. Россія могла бы сказать: я буду ѣсть черствый кусокъ хлѣба, носить сермягу, но ничего не стану у васъ брать впредь до тѣхъ поръ, пока не буду находиться съ вами, друзья иноземцы, въ равныхъ экономическихъ условіяхъ. А до того времени не нужно мнѣ ни одного изъ вашихъ цивилизаторскихъ благъ, при помощи которыхъ вытянули изъ меня всѣ жилы. Довольно! Возвышенная пошлина отчасти, а главное, мощный приказъ всѣмъ русскимъ Колупасевымъ всякаго чина, званія и

ранга—работать только на себя, заботиться только о себѣ. Развѣ работать мы не умѣемъ? Развѣ лѣнны ужь очень? Развѣ невѣжественны на столько, что не въ состояніи понять своихъ выгодъ? Ни то, ни другое, ни третье. Работать мы умѣемъ ни хуже другихъ, дайте только возможность, защитите только немножко отъ эксплуатаціи чуждыхъ народовъ; и не лѣнны мы, но безвыходность нашего положенія способна хоть кого довести до отчаянія, а выгоды свои мы поймемъ. Дураками круглыми насъ также назвать нельзя, хотя иноземцы и насѣли на насъ... На биржѣ намъ сказали, что насъ не исправитъ даже и Петровская палка: времена де нынче не тѣ. Не вѣрю этому, не соглашаюсь съ этимъ, потому что люблю мою родину всѣмъ сердцемъ, всѣми моими помыслами и надѣюсь, что ее если не эти крутыя, хотя и дѣльныя мѣры, то другія спасутъ отъ окончательнаго ограбленія. Наше должно принадлежать намъ, и мы, сознавъ всѣ выгоды пользованія своимъ добромъ, должны принять мѣры отъ повальнаго розоренія въ угоду иноземцамъ. А то мы только и дѣлаемъ, что расхищаемъ ее и всякій разъ, если удастся сдѣлать что-нибудь подобное, радуемся этому, дѣлая самые неизвинительные выводы. Вонъ кучка фабрикантовъ, нуждающаяся яко бы въ удобныхъ путяхъ сообщеній, едва приступила къ постройкѣ тринадцативерстной вѣтви ж. д. до Богородско-Глуховской мануфактуры Саввы Морозова сыновей, какъ уже бардъ этого предпріятія восклицаетъ: «съ постройкой Глуховской вѣтви принадлежащее къ Богородску захоlustье несомнѣнно оживится; тутъ есть обширные лѣса и

непечатые торфяники весьма обширных размѣровъ»; значить, устроенная дорога дастъ возможность сжечь имѣющіеся лѣса и непечатые торфяники. Вотъ и все благодѣяніе, которое исчерпывается этимъ предпріятіемъ, если не принимать во вниманіе того обстоятельства, что подвозка товаровъ по ж. д. съ фабрикъ: Морозова, Елагиныхъ, Шибаева, Купріяновыхъ, Шелаева и др. будетъ нѣсколько удобнѣе, хотя и принесетъ значительный ущербъ крестьянамъ, занимающимся извозничествомъ. Съ устройствомъ этой линіи крестьяне лишатся заработка и выиграютъ только фабриканты. Да и выиграютъ ли, это еще вопросъ будущаго. Но если бы вмѣсто паровой устроена была конножелѣзная дорога, тогда дѣло другое, ибо постройка ея стоила бы сравнительно не дорого, а цѣль была бы также достигнута, т. е. товаръ доставлялся бы на фабрики и съ фабрикъ болѣе регулярно и можетъ быть нѣсколько дешевле теперешняго; но за то «захолустье» навѣрное не подверглось бы такому расхищенію, какое произведетъ для его лѣсовъ и торфяниковъ паровая дорога. А какъ оно благодѣтельно отражается на крестьянскомъ хозяйствѣ, съ этимъ мы уже достаточно ознакомлены. Эта коротенькая линія принесетъ краю не благодѣяніе, а разореніе. Пользу паровыхъ дорогъ на большія разстоянія я еще понимаю: мало ли какими соображеніями она можетъ быть оправдана, но польза такихъ линій, какъ Богородско - Глуховская, чрезвычайно сомнительна. А между тѣмъ строителямъ дороги заводчики гарантировали сорокатысячный доходъ, который ясно говоритъ, что вся эта сумма будетъ вырвана изъ

мужичьяго кармана, въ который эти деньги до сихъ поръ попадали. Признаться, не велико одолженіе, которое дѣлають устроители дороги для народнаго кармана! Даже Богородская Дума принимаетъ участіе въ этомъ разореніи, ассигновавъ съ своей стороны на постройку станціи 30,000 руб. Народъ лишается заработка, бѣднѣеть, лѣса истребляются, климатъ вслѣдствіе того дѣлается суровѣе и въ самомъ недалекомъ будущемъ крестьянинъ лишится возможности вести свое хозяйство на оголенной беззащитной почвѣ. Вотъ въ чемъ будетъ заключаться результатъ этого предпріятія. Все же выгода постройки дороги будетъ заключаться только въ томъ, что владѣльцы фабрикъ будутъ ѣздить по этой дорогѣ съ несравненно большими удобствами сравнительно съ настоящими, да можетъ быть сэберегутъ нѣкоторое количество рублей отъ провоза товара, вырвавъ ихъ изъ рукъ мужика. Противъ перваго я ничего не имѣю, но послѣднимъ я не доволенъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, мало для насъ народныхъ бѣдствій, появившихся вмѣстѣ съ хищническимъ истребленіемъ лѣсовъ? Обмелѣнія рѣкъ, происшедшія вслѣдствіе того засухи, недороды хлѣба, неурожаи, вѣдь это слишкомъ общественные факты, чтобы можно было не придавать имъ никакого значенія. Не пора ли наконецъ подумать и надъ этимъ? А вамъ, фабриканты той мѣстности, куда устраивается дорога, я посовѣтывалъ бы заглазить свой, можетъ быть, невольный грѣхъ передъ отечествомъ какой-нибудь положительной заслугой, ну хоть развитіемъ собственныхъ хлопчатобумажныхъ плантацій; вѣдь все равно нѣкоторые изъ васъ тратятъ же цѣлые мил-

ліоны на эфемерныя прадпрыятія; такъ не лучше ли употребить ихъ на дѣло? Но къ сожалѣнію эти люди хорошихъ совѣтовъ не послушаются; если и исполнять что либо, то не иначе, какъ по чьей нибудь указкѣ. Приказать имъ надо и потребовать исполненія приказаннаго и чѣмъ скорѣе пошлетя намъ эта милость — тѣмъ лучше, ибо тогда мы скорѣе сдѣлаемъ все, что только необходимо ради подъема народнаго благосостоянія, до котораго иностранцамъ, заботящимся только о себѣ, нѣтъ, разумѣется, никакой надобности. Эти господа обще-человѣческія требованія только къ намъ предъявляютъ, и чуть мы не соглашаемся на эти требованія, поднимаютъ крикъ о нашемъ варварствѣ, невѣжествѣ, отсталости. А мы становимся въ тупикъ передъ этими криками и смиренно дѣлаемъ уступку за уступкой, въ чемъ собственно и заключается суть нашихъ ошибокъ. Но попробуй мы твердо стать за защиту собственныхъ интересовъ, не смущаясь никакимъ гамомъ и никакими ложными теоріями иностранныхъ и своихъ поборниковъ свободной торговли, но попробуй мы сказать энергично: да дѣласть каждый свое дѣло исключительно въ интересахъ своего отечества, а не балбесничаетъ по заграницамъ, и все измѣнится какъ по мановенію волшебнаго жезла, и тѣ, что нынче смѣются надъ нами, завтра же станутъ относиться съ уваженіемъ и почетомъ, которое быстро возрастетъ, едва только мы улучшимъ наше матеріальное положеніе. А что энергическое приказаніе полезно для насъ, не трудно привести и доказательства. Еще недавно состоялось запрещеніе объ обращеніи досрочныхъ купоновъ,

а оно уже начинать приносить свои плоды. Большинство, которымъ приходилось терпѣть отъ этого обращенія, очень довольно состоявшимся распоряженіемъ. Имъ недовольны только: банкиры, ростовщики и мѣнялы-скопцы большой и малой печати и всѣ тѣ, которымъ оно будетъ мѣшать въ наживѣ на счетъ недостойной спекуляціи этими купонами. Хотя собственно говоря и сокрушаться то не слѣдовало бы, такъ какъ сказанный законъ допустилъ весьма существенныя выгоды, благодаря которымъ они не совсѣмъ еще потеряли почву для наживы отъ купоновъ и процентныхъ бумагъ. Но и то, что осталось, слѣдовало бы также уничтожить и совершенно воспретить всякое обращеніе купоновъ. Тогда бездѣльники, наживающіе деньги только отъ денегъ, запѣли бы другую пѣсню. Теперь же они, чтобы не остаться въ накладѣ, придумаютъ что-нибудь другое. А нельзя ли и совсѣмъ похѣрить всѣхъ торговцевъ деньгами, высасывающихъ изъ народнаго кармана трудовыя копѣйки? Неужели нѣтъ средствъ обойтись безъ этихъ тунеядствующихъ скопцовъ и не скопцовъ? Разумѣется можно, надо только покрѣпче прикрикнуть:— «перестаньте бездѣльничать, а то худо будетъ!» И бездѣльники точно кроты спрячутся по своимъ скопческимъ подземельямъ и станутъ тамъ замаливать свои грѣхи. Примѣръ вѣдь на лицо. Сказано: «довольно баловаться купонами и баловства какъ не бывало». Такъ и во всемъ. Теперь торговцы иноземными товарами положительно разоряютъ насъ платежами за всякую иноземную дрянъ. А они дѣйствительно сбываютъ намъ таковую. Кто бы могъ, на примѣръ, подумать, что Россія,

у которой есть все, что только можно себѣ представить, выписываетъ изъ заграницы даже охру, даже мѣль, не говоря уже о тысячахъ другихъ подобныхъ вещей! И однако находятся люди, которые рѣшаются утверждать, что такъ и быть должно, а не иначе; что Россія, будучи страной земледѣльческой, только о земледѣліи и должна заботиться, а не о фабричной и заводской промышленности, которая на западѣ находится на высокой степени совершенства и что намъ нѣтъ надобности заводить свои фабрики, когда есть чужія, доставляющія дешевые товары, и что намъ нѣтъ никакой надобности вступать съ ними въ соперничество на иностранныхъ рынкахъ. Какъ будто мы только и желаемъ послѣдняго? Совсѣмъ нѣтъ. Наоборотъ, при помощи покровительства мы хотѣли бы защитить свою національную независимость и не таскать на своей шеѣ иностранное ярмо; мы хотимъ, чтобы нашъ трудъ обогащалъ только насъ самихъ, а не чужихъ; мы хотимъ, чтобы богатыхъ русскихъ людей было какъ можно больше, такъ какъ богатство отдѣльныхъ личностей составляетъ богатство націи; мы сами хотимъ трудиться и производить, такъ какъ самая богатая страна та, которая больше трудится и производитъ; мы хотимъ полной независимости отъ всякаго ярма, такъ какъ всякая зависимость опошляетъ людей. Благоговѣніе передъ всякимъ эксплуататоромъ русской земли, кто бы онъ ни былъ—не въ мой натурѣ. Всякій изъ такихъ есть врагъ моего отечества и въ частности каждаго русскаго, который обязанъ указать на это позорное явленіе, а не восхищаться культурнымъ превосход-

ствомъ всякаго пришельца. Мои сѣрыя щи, мои дырявые лапти, мой сѣрый зипунъ, милѣе мнѣ всѣхъ вашихъ блестящихъ стальныхъ издѣлій. Не надо мнѣ ихъ, я и безъ нихъ сытъ буду, но я по крайней мѣрѣ сохраню любовь и уваженіе къ своему родному и которое дороже мнѣ всѣхъ благъ земныхъ. Я хотѣлъ бы, чтобъ у насъ наступило такое время, въ которое кличъ: вотъ это англійское, вотъ это французское, потеряло всякій смыслъ и мы въ миллионы голосовъ закричали: нѣтъ, мы прежде всего хотимъ быть русскими и все, что вы видите у насъ—русское. А разъ это случится, мы непременно скоро разбогатѣемъ, а съ умноженіемъ богатства у насъ явятся и школы, и университеты, и ученые. Теперь же тому, что у насъ сравнительно всего этого мало, и удивляться не слѣдуетъ, на простомъ основаніи, что насъ на всякомъ данномъ пространствѣ въ 7 или 8 разъ менѣе, чѣмъ на немъ находится въ Англии, во Франціи или Германіи. Другими словами тамъ, гдѣ у насъ работаетъ только 800 человѣкъ (напримѣръ, на квадратной мили въ Европейской Россіи), у англичанъ или французовъ на томъ же пространствѣ работаетъ отъ 6 до семи съ половиной тысячъ человѣкъ. Спрашивается, зачѣмъ же мы сокрушаемся о томъ, что у насъ не всѣ еще рудники разработаны, что мы не извлекаемъ изъ земли всей той выгоды, какую она дать можетъ? И прекрасно. Слава Богу, что мы еще не въ конецъ обагрили родную землю и что мы кое-что на прокормленіе оставляемъ нашимъ дѣтямъ. Не о томъ надо сокрушаться, что у насъ есть еще кое-какіе запасы на черный день, а о томъ, что мы ужъ слишкомъ энер-

гично позволяемъ растаскивать свое доброе разнымъ пришельцамъ, явившимся въ Русскую землю съ единственной цѣлью наживы. На то вѣдь онъ иностранецъ! Мавра, напримѣръ, сошьетъ рубашку—ничего не стоитъ, а какая-нибудь мадамъ Эмилиа—прелесть; пьяница Аюонька изъ Кимръ сошьетъ сапоги—цѣна имъ грошъ, а вотъ Шумахеръ изъ Майнца, или еще откуда нибудь—цѣна двѣ красненькихъ; сукно свое—ничего не стоитъ, а вотъ англійское на вѣсь золота; наша троицкая игрушка стоитъ копѣйку, а привозная цѣлый рубль; надъ товарами своей фабрикаціи мы ломаемся, какъ пьяный мужикъ на имянинахъ, а иностранные беремъ безъ разсужденій. Не позоръ ли это? Кнудомъ отодрать мало тѣхъ господъ, которые выписываютъ изъ за границы охру, мѣль, игрушки и т. под. дрянъ. А поклонники свободной торговли говорятъ, что это не бѣда, что все это въ порядкѣ вещей! Разорять то Русскую землю всѣми способами въ порядкѣ вещей? Помилуйте хоть немного и подумайте хоть о томъ, какія мы несемъ огромныя потери отъ одного только курса, за который заставляетъ насъ расплачиваться даже какая-нибудь Финляндія, не говоря уже о болѣе просвѣщенныхъ народахъ. Не ясно-ли, что тамъ относятся къ намъ далеко не по-человѣчески, хотя встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями. Видите, какъ тамъ насъ любятъ! Поэтому всякаго, кто только скажетъ мнѣ, что тамъ за морями челоуѣчности больше, чѣмъ у насъ, я назову лжесцомъ; всякаго, кто будетъ съ довѣріемъ слушать эту лживую рѣчь—глупцомъ; всякаго, кто будетъ восхвалять мнѣ принципы свободной торговли, я назову

врагомъ моего отечества. Скажите: развѣ не враги отечества всѣ тѣ люди, которые словомъ и дѣломъ проповѣдуютъ рабство передъ иностранной промышленностью, пусть даже болѣе совершенной, чѣмъ наша?

Опять куда-то проскакали пожарные. Прощай храмъ Ваала со всѣми твоими комиссіонерами, зайцами, маклерами, иностранцами, биржевыми курсами, я бѣгу вслѣдъ за промчавшимся пожарнымъ обозомъ. Горѣли скученныя постройки Зарядья. Не смотря на шабашъ, тысячи евреевъ и евреекъ работаютъ до поту лица, таская свой необычайно разнообразный скарбъ. Крикъ невѣроятный. Безстрашные пожарные лѣзутъ прямо въ огонь. На улицахъ страшная давка, полицейскіе изъ силъ выбиваются, разгоняя праздныхъ ротозѣевъ, въ томъ числѣ и вашего покорнѣйшаго слугу—и не достигаютъ цѣли: толпа заполонила собой всѣ улицы и переулки. Пламя немилосердно уничтожаетъ результаты человѣческаго труда: высохшее отъ продолжительныхъ жаровъ дерево воспламеняется какъ порохъ. Неужели до сихъ поръ не додумались москвичи производить свои постройки только изъ несгораемыхъ матеріаловъ? Думцамъ, въ этомъ отношеніи, слѣдовало бы быть нѣсколько предусмотрительнѣе. Совѣтую тѣхъ изъ нихъ, кто болѣе всего виноватъ въ этой непредусмотрительности, лишить хотя на время получаемого имъ жирнаго оклада: не стоитъ онъ того! Одинъ мой душевный знакомый, глядя на окружающую неурядицу, горько промолвилъ: «силъ нѣтъ смотрѣть равнодушно на все окружающее; умереть бы хоть скорѣе!» Но зачѣмъ такое отчаяніе! Авось когда

нибудь наступятъ лучшія времена и вмѣсто этихъ бездѣятельныхъ и бесполезныхъ самоуправителей найдутся болѣе бодрые духомъ и безъ унынія поработаютъ на пользу общую. О, дай-то Богъ скорѣе!

Говорятъ, на одномъ изъ пожаровъ домовладелецъ Поляковъ чуть не сгорѣлъ, спасая свой денежный ящикъ, за которымъ онъ бросился уже въ обхваченную огнемъ комнату. Задохнувшись отъ дыма и потерявъ сознание, онъ упалъ среди горѣвшей комнаты и былъ вытасченъ оттуда пожарными вмѣстѣ со своей шкатулкой, которую онъ крѣпко сжималъ въ своихъ объятіяхъ. О, золото, какъ ты однако дорого для смертнаго, что изъ-за тебя человѣкъ не жалѣетъ даже своей жизни! А я еще по своей наивности желаю, чтобы люди другъ другу помогали. Какое горькое заблужденіе!—Гродно выгорѣло, Клинь сгорѣлъ и сотни жалкихъ мужицкихъ лачужекъ превратились въ дымъ и пепель, развѣваемый вѣтромъ. Тысячи обездоленныхъ и разоренныхъ жителей переживаютъ тяжелыя минуты. Положеніе ужасное! Погорѣльцы взываютъ къ вамъ, господа Карзинкины, Обидины, Коншины, наслѣдники Хлудова, Солдатенковы, Солодовниковы, и сотнямъ другихъ такихъ же ворочающихъ милліонами и просятъ о помощи. Осушите имъ ихъ горячія слезы; вѣдь это вамъ ничего не стоитъ, только ради Бога помогите имъ скорѣе щедрою рукою и не нищенски. Но я, кажется, напрасно обращаюсь къ нимъ, потому что ни откуда не слышу сочувствія... Гг. Бахрушины, Петръ Арсеньевичъ Смирновъ, Братья Елисѣевы изъ Петербурга, хоть вы помогите отъ избытка благъ земныхъ, посланныхъ вамъ

Небомъ; вамъ это болѣе чѣмъ кому-нибудь легче сдѣлать, потому что вы люди добрые и одни въ состояннн сдѣлать столько, сколько не сдѣлають цѣлыя тысячи другихъ. Притомъ же ваше благосостояннн отъ этого не разстроится ни на каплю. Но за то вы этимъ добрымъ дѣломъ создадите для себя вѣчный памятникъ. Итакъ не будьте же глухи къ добру, отзовитесь!

IX.

Встрѣчаясь люди прежде всего спрашиваютъ другъ друга о здоровьѣ, а затѣмъ начинаютъ толковать о погодѣ. Это у насъ. Въ Китаѣ спрашиваютъ: каково вы сегодня обѣдали и хлопають при этомъ по животу ближняго. А въ какомъ-то отдаленномъ уголкѣ міра въ отвѣтъ на вопросъ о здоровьѣ показываютъ языкъ: на, молъ, гляди въ какомъ состояннн оно находится. Я о здоровьѣ спрашивать никого не стану, такъ какъ предполагаю, что оно находится у всѣхъ въ удовлетворительномъ состояннн, но не могу промолчать о благораствореннн воздуховъ, освѣженныхъ проливными дождями, обильно оросившими высохшую землю. Тамъ что не толкуй о благахъ цивилизаціи, о торговлѣ на Нижегородской ярмаркѣ и вообще объ успѣхахъ промышленности со всею ихъ роскошью и блескомъ, а природа все-таки лучше ихъ: послѣ грозы, послѣ дождя все ожило и все чувствуетъ себя гораздо бодрѣе. Засохшая и выжженная трава нашихъ убогихъ садовъ и жалкихъ тощихъ выгоновъ проснулась и вновь зазеленѣла.

Темный лѣсъ, широкое раздолье поля, чирикание пернатыхъ, яркій полевой цвѣтокъ всегда будутъ милы сердцу человѣка, на какой бы ступени развитія онъ ни находился; его всегда и вѣчно будетъ звать на свое лоно добрая природа-мать. Только человѣкъ, изуродованный неблагоприятными жизненными условіями, не откликнется на ся призывъ и съ удовольствіемъ промѣняетъ весь міръ на жирный обѣдъ въ трактирѣ Тѣстова. О вкусахъ не спорять: китаецъ считаетъ себя необычайно счастливымъ, если ему удастся ѣсть каждодневно свиное мясо, ну, а цивилизованному европейцу разрѣшается и самому превратиться въ то благородное животное, которое доставляетъ такое неизъяснимое наслажденіе сыну небесной имперіи. Это какъ кому угодно. А все-таки, повторяю, послѣ хорошаго дождичка и въ Москвѣ недурно: грязь мостовыхъ обмыта и унесена дождевыми потоками куда-то въ невѣдомую даль, пыли нѣтъ, міазмовъ меньше даже въ самыхъ грязнѣйшихъ закоулкахъ города. Санитарное благо дождя не подлежитъ никакому сомнѣнію,—о немъ не спорять даже ученые, которыхъ такъ много занимаетъ тотъ или другой способъ санитарныхъ мѣропріятій. Не будемъ на этомъ останавливаться и мы, простые смертные, работающіе, торгующіе, обманывающіе другъ друга, безцѣльно мятущіеся, вѣчно другъ другомъ недовольные: мы иностранцами, иностранцы нами и т. д. Негодные эгоисты! Но дѣлать нечего, такъ какъ это, къ сожалѣнію, правда. Лондонская биржа недовольна направленіемъ въ англо-русской торговлѣ, которое стало развиваться въ послѣднее время. Непропорціонально большой привозъ русскаго сырья

и уменьшеніе въ вывозѣ англійскихъ фабрикатовъ въ Россію составляетъ отличительную черту этого направленія. Въ теченіе мая, напримѣръ, цифра привоза товаровъ изъ Россіи въ Англію достигала 16 милліоновъ рублей, тогда какъ изъ Англіи въ Россію, въ то-же время, вывезено товаровъ всего на 3.717,000 рублей, т. с. вдвое менѣе, чѣмъ ихъ было отпущено въ прошлогоднемъ маѣ мѣсяцѣ. Мы вывозимъ туда: пшеницу, лѣсъ, ленъ, льняное сѣмя, пеньку, а получаемъ изъ Англіи: машины, хлопокъ, сырецъ, уголь, сталь и издѣлія изъ чугуна и стали, свинецъ, олово, кое-какіе химическіе продукты, кофе, шерстяную пряжу и даже чай. Послѣдняго въ маѣ мѣсяцѣ привезено къ намъ 122,511 фунтовъ. Этого же добра привезено къ намъ изъ Китая (по 28 іюля) черезъ одесскій портъ 6.423,863 англ. фунта. Я полагаю, что англичане послѣднимъ обстоятельствомъ также недовольны, такъ какъ для нихъ было бы гораздо пріятнѣе, если бы весь чай, потребный для Россіи, шелъ къ намъ не прямо изъ Китая, а черезъ Англію, чего они, отчасти, и достигаютъ, пускаясь на всякіе фокусы. Такъ, напримѣръ, зная, что русскіе не прочь побаловаться хорошенькимъ чайкомъ, англичане отправили въ нынѣшнемъ году въ Англію, сверхъ обычнаго количества чая, 429,593 англ. фунта высѣвокъ и ломаныхъ листьевъ лучшихъ сортовъ для сдабриванья низшихъ сортовъ. Понятно, что все это уйдетъ въ Россію и, конечно, не за дешевую цѣну, чѣмъ я, разумѣется, буду очень недоволенъ ни чуть не меньше англійскихъ биржевиковъ, недовольныхъ торговлей съ Русью. А еще болѣе недоволенъ тѣми изъ своихъ торгашей, которые пере-

купятъ у англичанъ весь этотъ одобренный чай и продадутъ его русскимъ людямъ, въ ущербъ отечественной торговлѣ. Для интересовъ послѣдней было бы гораздо лучше, если бы мы снабжали англичанъ чаемъ, а не они насъ, тѣмъ болѣе, что по отношенію къ этой торговлѣ мы находимся въ такомъ же положеніи, въ какомъ находятся къ ней и англичане: вѣдь чай и мы, и они одинаково выписываемъ изъ Китая. И однако англичане чай намъ продаютъ, а мы имъ нѣтъ. Впрочемъ, чего только они не везутъ къ намъ и отъ чего только не отказываются, лишь бы представился случай. И при всемъ этомъ все-таки недовольны нами за то, что мы мало выписываемъ отъ нихъ всякихъ издѣлій, а того не сообразятъ, что мы дошли до того, что намъ и выписывать-то не на что: ни денегъ нѣтъ, ни хлѣба не осталось. Банкротства и разореніе слѣдуютъ одно за другимъ съ ужасающей быстротой. Мы знаемъ фабрики, гдѣ за недостаткомъ денегъ задерживаются платежи по цѣлымъ мѣсяцамъ, а наработанныхъ товаровъ дѣвать некуда. Иностранные же банкиры не могутъ достаточно надивиться тому огромному количеству золота, которое безцѣльно хранится въ ихъ сундукахъ. Въ Парижскомъ банкѣ лежитъ 43 милліона фунтовъ стерлинговъ, въ Нью-іоркскомъ—30 м. ф. ст., въ Англійскомъ банкѣ вдвое больше того, чѣмъ сколько его требуется для покрытія всѣхъ его обязательствъ. Берлинская биржа ломится отъ русскаго золота. Словомъ, денегъ вездѣ пропасть, чѣмъ собственно и объясняется дешевизна ихъ. Только у насъ нѣтъ денегъ и только у насъ существуетъ такой высокій процентъ учета, благо-

даря которому всякое дѣло у насъ идетъ на выворотъ. Что можетъ быть удивительнѣе, что Россія до сихъ поръ еще выписываетъ заграничное желѣзо, тогда какъ сама могла бы снабжать имъ цѣлыхъ полміра, еслибъ только къ этой отрасли промышленности приложено было побольше усердія да побольше денегъ. Во многихъ мѣстахъ желѣзная руда у насъ находится чуть не на поверхности земли и казалось бы, что ее слѣдовало только брать и употреблять въ дѣло. Но не тутъ-то было: или рудная мѣстность находится въ рукахъ мотовъ, проживающихъ всю свою жизнь по заграничнымъ курортамъ, или въ рукахъ до того нерадивыхъ людей, что они никогда не видали своихъ имѣній. Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ есть заводы, гдѣ чугуны обходится не болѣе 15 коп. за пудъ и, однако, они за недостаткомъ средствъ и нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условій едва-едва существуютъ. Къ числу этихъ неблагопріятныхъ условій надо отнести и наши тарифы желѣзныхъ дорогъ, которые и существуютъ какъ бы только для того, чтобы приносить пользу иностранцамъ. Низкая провозная плата по этимъ дорогамъ иностраннаго товара и дорогая—своего вещь обычная. Такъ провозъ нѣкоторыхъ изъ Парижа (пилы, напр.) въ Москву обходится не дороже 25 коп. съ пуда, а изъ Нижняго въ Кіевъ, напр., не менѣе 45 коп. Поэтому заграничное желѣзо въ Кіевѣ продаютъ не дороже 1 руб. 60 коп. или 1 руб. 70 коп. за пудъ, а свое нельзя продать дешевле 1 р. 95 к. Вообще тарифы нашихъ желѣзныхъ дорогъ представляютъ удивительную умопомрачительную путаницу, до которой не скоро еще доберутся. Да и

сами мы виноваты во многомъ. Иностраннѣй фабрикантъ, напр., не только самъ лично наблюдаетъ за ходомъ своего дѣла, но и всецѣло посвящаетъ ему всю свою дѣятельность, живетъ постоянно на фабрикѣ и заботится объ егѣ развитіи, объ усовершенствованіи способовъ производства. Поэтому, Бессемеръ явился тамъ, а не у насъ. Демидовскіе заводы сократили свое производство болѣе чѣмъ на половину, единственно вслѣдствіе того, что ими управляли посторонніе, а не самъ владѣлецъ, который можетъ быть и не зналъ, что дѣлается въ егѣ имѣніяхъ. Онъ пріѣхалъ на свои заводы только тогда, когда ему нужно было помѣститься въ своемъ фамильномъ склепѣ... Не такъ у нашихъ сосѣдей.— Тамъ фабрикантъ, заводчикъ, землевладѣлецъ, и при жизни и послѣ смерти, всегда у себя дома. Ну, и понятно, что тамъ все совершенствуется и идетъ впередъ. Мы же до сихъ поръ никакъ не можемъ придти къ заключенію, что только при условіи заботы и вниманія къ собственнымъ интересамъ всякое дѣло можетъ совершенствоваться и развиваться. Но такъ какъ мы ничего не предприняли до сихъ поръ, чтобы идти по этому направленію, да едва ли и предпримемъ, то и является крайне необходимымъ приказать дѣлать дѣло, а если кто не пожелаетъ исполнить приказанія, употребить отеческую мѣру исправленія. Что дѣлать, когда она является еще необходимой и когда люди не хотятъ понять всего того вреда, который они наносятъ странѣ своимъ бездѣльничествомъ, ибо теперь тотъ только сдѣлаетъ что-нибудь полезное для родины, кто станеть неустанно работать и разрабатывать

Богомъ данныя ему сокровища. А желѣзо, а сталь есть одно изъ главныхъ сокровищъ современнаго міра и чѣмъ разработка ихъ будетъ шире, чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ лучше. Секрестовъ въ производствѣ теперъ нѣтъ, надо только усердно трудиться, а то теперъ всякое новое орудіе производства идетъ къ намъ все непременно изъ заграницы. Мины Уайтхеда, скорострѣлки Максимъ, сталь Бессемера— все оттуда. Когда же у насъ все это свое-то будетъ? А между тѣмъ, при современномъ развитіи техники и научныхъ знаній, сдѣлать можно все, чего только пожелаешь. Надо только сумѣть найтись, какъ поднять дремлющія силы и толкнуть ихъ по пути прогресса, въ лучшемъ значеніи этого слова, такъ какъ отрицательная сторона этихъ успѣховъ у насъ разработана въ достаточной мѣрѣ. Плутовъ, мошенниковъ, хищниковъ, развратителей народа у насъ ужъ слишкомъ довольно. Не они намъ нужны теперъ,— иныя условія настануть. Отъ Россіи и русскихъ людей требуется теперъ болѣе широкая, болѣе чело-вѣческая дѣятельность, а не та мелкая, продажная, торгашеская, на которую ушла большая часть нашего общества. Въ самомъ дѣлѣ, кто только теперъ не промышляетъ и не торгуетъ! Въ Москвѣ, кажется, не осталось живой души, которая бы не направила въ эту сторону свою дѣятельность. Даже духовенство не отстаетъ, въ этомъ отношеніи, отъ другихъ. Не говоря уже о специальномъ свѣчномъ заводѣ, я не могу не упомянуть безъ глубокой скорби о тѣхъ тысячахъ лавокъ и лавченокъ, которыми облѣплены почти всѣ московскіе храмы, охвативъ ихъ со всѣхъ сторонъ, такъ что изъ-за нихъ, иногда, совсѣмъ не

видно и самихъ храмовъ, этихъ драгоцѣннѣйшихъ свидѣтелей нашего прошлаго бытія, нашей славы, нашихъ скорбей. Я не знаю, кто, главнымъ образомъ, виновать въ допущеніи устройства лавокъ рядомъ съ самыми храмами, но я посовѣтывалъ бы убрать отъ нихъ подальше эту людскую нечисть, оставивъ Божее Богови. Думаю, что отъ этого ни храмы, ни причты ни мало не потеряютъ, но, напротивъ, выиграютъ еще болѣе въ томъ уваженіи, съ которымъ относится русскій человѣкъ къ святости мѣста. А какъ пріятно было бы глядѣть на почтенные памятники сѣдой старины, бережно охраняемые отъ соприкосновенія съ современной грязью! Большаго богатства нашимъ церквамъ, чѣмъ то, которое онѣ имѣютъ въ настоящее время, и желать невозможно: имъ достанетъ его съ излишкомъ на всѣ нужды. Такъ зачѣмъ же всѣ эти торгашескія лачуги, которыми застроены всѣ наши, заслуживающіе уваженія, историческіе памятники? Они въ сосѣдствѣ ихъ не нуждаются! Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, всю Москву сдѣлать храмомъ Ваала, отъ поклонниковъ котораго не знаешь куда и дѣваться! Теперь вездѣ только и рѣчи, что о деньгахъ. Сколько ихъ нажито О, или Б, что они дѣлаютъ, сколько у нихъ дамъ сердца, какія они пошлости выкидываютъ, разоряя семью, дѣтей и губя тѣхъ или другихъ? Вонъ Р—нь, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, а сколько подлостей онъ надѣлалъ въ жизни! Разоривъ и развративъ десятки глупыхъ существъ, онъ, не смотря на свой почтенный возрастъ, все еще вертитъ и крутитъ, не зная удержу своимъ хищническимъ стремленіямъ. Но такіе ли люди нужны намъ?

На биржѣ много говорятъ о недостаткѣ нефти въ Баку, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ заводчиковъ оказываются неисправными въ принятыхъ на себя обязательствахъ. О нефтяныхъ фонтанахъ, которыми промышленники восхищались нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теперь и помину нѣтъ. Оказывается, что нефтяные источники Балаханской площади быстро истощаются и въ настоящее время приходится добывать ее уже съ полуторастасаженой глубины, тогда какъ прежде она получалась чуть не на поверхности почвы. Быстро же, однако, мы истощаемъ естественныя богатства неразумнымъ хозяйничаньемъ! Что-то будетъ съ тѣми громадными капиталами, которые употреблены на это предпріятіе? спрашиваютъ нѣкоторые.

А люди между тѣмъ тысячами перекочевываютъ съ одного мѣста на другое, ища возможнаго облегченія отъ тяжести экономическаго положенія и не находя его, оборванные, голодные, больные возвращаются на старыя мѣста. Въ нынѣшнемъ году черезъ одинъ только Томскъ прошло ихъ болѣе трехъ тысячъ человекъ, а куда — они и сами не знаютъ. Что-же дѣлаютъ наши земства, что до сихъ поръ не соберутся съ духомъ разработать переселенческой вопросъ? Пора бы спѣться относительно этого больного мѣста нашего хозяйства. Потолкуйте, поспорьте: вѣдь это необходимое условіе движенія впередъ. Люди, вѣдь, никогда не были единодушными. Имъ, какъ говоритъ Лабулэ, «всегда будетъ необходимо убѣждать другъ друга, мыслить, спорить, дѣйствовать». И такъ, господа, мыслите, спорьте и дѣйствуйте!

